БК
20
С28

Т. СѢДЕЛЬНИКОВЪ.
Депутатъ 1-ой Государственной Думы.

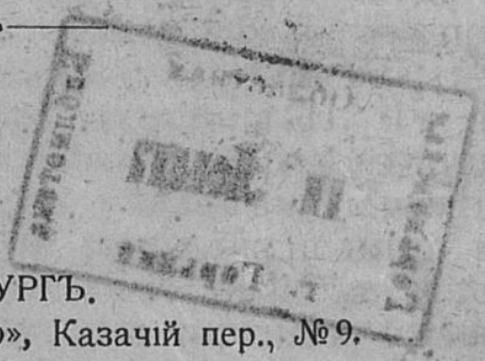
333
40
333/28
333
С27.

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ

ВЪ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

(Киргизскій земельный вопросъ и колонизаціонная политика правительства).

ИЗДАНІЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня т-ва «Дѣло», Казачій пер., №9.
1907.

2 +4

Предлагаемый вниманію русской читающей публики, интересующейся жизнью инородцевъ и своеобразными формами земельнаго вопроса на окраинахъ, очеркъ борьбы за землю между отдѣльными слоями и элементами киргизскаго народа, въ связи съ вопросомъ о степной колонизаціи, написанъ главнымъ образомъ, на основаніи непосредственнаго знакомства автора съ киргизской жизнью въ теченіе семи лѣтъ *)—съ одной стороны, а съ другой—съ постановкой дѣятельности временныхъ партій по образованію переселенческихъ участковъ въ степи и работами экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей, организованной извѣстнымъ земскимъ статистикомъ Ф. А. Щербиною. Положеніе кочевниковъ западной части степи и ихъ отношенія съ осѣдлыми киргизами выяснено здѣсь болѣе или менѣе подробно благодаря тому, что автору два года (1904 и 1905) пришлось поработать самому въ качествѣ статистика какъ разъ въ этой части степи (Уральская область) и произвести самостоятельный опросъ представителей болѣе 30 кочующихъ волостей Уральской, Закаспійской и частью Тургайской области, помимо статистическихъ изслѣдованій въ 7 осѣдлыхъ волостяхъ Уральскаго и Темирскаго уѣздовъ.

По вопросу о характерѣ и направленіи киргизскихъ кочеваній въ прежнее время, когда въ степи не было осѣдлаго населенія, наибольшую пользу оказала при составленіи настоящаго очерка интересная и обстоятельная работа статистика Н. Ф. Дмитріева: «Очеркъ хозяйственнаго быта киргизовъ по даннымъ Кустанайскаго и другихъ уѣздовъ», напечатанная въ «Матеріалахъ» названной выше экспедиціи по Кустанайскому уѣзду. Однако, безъ знакомства съ имѣющимися относительно исторіи киргизской степи архивными данными, эта историческая часть предлагаемаго

*) Въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, гдѣ идутъ землеотводныя работы.

очерка могла быть изложена лишь въ общихъ чертахъ и слишкомъ схематически.

Наоборотъ, исторія работъ экспедиціи Ф. А. Щербины и временныхъ партій, работающихъ въ степи, интересная только для спеціалистовъ, передана здѣсь въ немногихъ словахъ, чтобы не заслонять основную тему очерка—борьбу за землю,—хотя въ матеріалахъ недостатка и не было.

Въ заключеніе, можетъ быть, не лишне будетъ отмѣтить, что настоящій очеркъ является переработкой прочитаннаго авторомъ осенью 1905 г. въ Оренбургѣ публичнаго доклада: «Борьба за землю въ киргизской степи и колонизаціон. политика правительства».

24 сентября 1906 г.

I.

Самый распространенный и вмѣстѣ съ тѣмъ вредный предразсудокъ читающей публики относительно киргизовъ это тотъ, что всѣ киргизы «на одно лицо», какъ китайцы, и живутъ какъ то особенно, по своему, на непонятныхъ для насъ хозяйственныхъ началахъ въ видѣ чистаго пастбищнаго скотоводства.

При словѣ *киргизъ* человѣку, не бывавшему въ степи, рисуется черномазый, въ высокомъ остроконечномъ малахаѣ, всадникъ, который съ длинной пикой въ рукѣ мчится по степному простору во весь опоръ, заворачивая непокорный табунъ лошадей головъ въ 500-600.

Киргизъ—кочевникъ, киргизъ—скотоводъ, киргизъ—«вольный сынъ степи»,—только такого киргиза знаетъ русская читающая публика, но это какъ разъ и служитъ лучшимъ доказательствомъ ея слишкомъ недостаточнаго знакомства съ киргизской жизнью.

Однако, этотъ взглядъ укоренился въ литературѣ не случайно, не въ силу одного недостатка свѣдѣній о киргизахъ. Наоборотъ, опредѣленнаго сорта литераторами и опредѣленными слоями самого киргизскаго народа этотъ предразсудокъ распространяется и поддерживается вполнѣ сознательно, изъ вполнѣ конкретнаго, недвусмысленнаго расчета.

Такимъ авторитетнымъ «изслѣдователямъ» и «знатокамъ» степи, какъ Ф. А. Щербина*) и А. А. Кауфманъ, работавшимъ по организаціи совершенно незаконнаго отобранія киргизскихъ земель подъ переселенческіе участки, весьма удобно и выгодно было отыгрываться на признаніи «своеобразныхъ условій кочевого быта» въ тѣхъ случаяхъ, когда они лицомъ къ лицу сталкиваются съ нуждами и потребностями самихъ киргизовъ, *какъ осѣдлыхъ-земледѣльцевъ*, иначе имъ пришлось-бы, пріостановивши казенную колонизацію степи, выгодную съ недавнихъ поръ «истино-русскимъ землевладѣльцамъ», заняться сложнымъ и труднымъ дѣломъ поземельнаго устройства самихъ киргизовъ.

Съ другой стороны, осѣдлые богачи-киргизы, засѣвающіе

*) См. его докладъ «Изслѣдованіе степныхъ обл.», «Народ. хоз.», № 4, 1901 г.

иной разъ по 300—400 десятинъ хлѣба и имѣющіе торговый оборотъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, прикидываются кочевыми «киргизъ-кайсаками» для того, чтобы получше прибрать къ рукамъ земли, захваченныя этими господами у *дѣйствительныхъ* кочевниковъ-скотоводовъ.

Такимъ образомъ, на первый взглядъ невинное идеализированіе бытовыхъ особенностей киргизской жизни скрываетъ подъ собой въ конечномъ счетѣ чисто матеріальные интересы русской земледѣльческой и киргизской степной буржуазіи, и самому киргизскому народу, въ его обездоленныхъ слояхъ, это такъ же выгодно, какъ русскому небогатому крестьянину выгодны волостные суды, земскіе начальники и прочіе результаты правовыхъ и хозяйственныхъ «особенностей» русской деревни. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ жизненные интересы народной массы требуютъ самой безпощадной борьбы съ этими иногда красными по формѣ, но всегда вредными по существу предразсудками. Люди—вездѣ и всегда люди, какъ бы они ни назывались и какъ бы своеобразны на поверхностный взглядъ ни были внѣшнія, показныя стороны ихъ быта.

Исторія хозяйственно-экономическаго развитія киргизскаго народа не только ни въ чемъ не противорѣчитъ правильно понятымъ основнымъ принципамъ историческаго матеріализма*), а наоборотъ сама даетъ для подтвержденія ихъ не мало новыхъ интересныхъ данныхъ, освѣщающихъ пока еще недостаточно изученныя формы эволюціи первобытнаго хозяйства.

При этомъ особенно важно для науки то обстоятельство, что здѣсь, въ киргизской степи, мы можемъ наблюдать *непосредственно*, какъ *всѣ* промежуточные типы хозяйства—отъ кочевого пастбищнаго скотоводства до чисто земледѣльческаго и даже чисто промысловаго,—такъ и ихъ непрерывную борьбу между собой: пуповина, соединяющая первобытную материнскую форму хозяйства съ выдѣлившимися изъ нея современными формами, далеко еще не совсѣмъ отпала, что и облегчаетъ возможность на конкретныхъ фактахъ провѣрить любой теоретическій выводъ сколько угодно разъ, при самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ внѣшнихъ условій.

При изученіи киргизской жизни, мы исходили изъ того взгляда, что исторія человѣчества есть послѣдовательный и непрерывный процессъ развитія и смѣны формъ человѣческаго общежитія, формъ общественности, отъ менѣе сложныхъ къ болѣе сложнымъ, подъ вліяніемъ борьбы, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и общественныхъ группъ между собою за наиболѣе благопріятныя условія для своего существованія и размноженія,

*) Точнѣе «историческаго монизма».

т. е. подъ вліяніемъ «борьбы за существованіе» въ широкомъ смыслѣ слова.

Врожденная, безсознательно эгоистическая потребность жить и размножаться, общая для всего органическаго міра, дѣйствовала въ человѣчествѣ задолго до того времени, когда оно впервые поставило себѣ вопросъ «о смыслѣ жизни», и до сихъ поръ остается основной пружиной человѣческаго прогресса. Въ удовлетвореніи этой потребности человѣкъ всегда встрѣчалъ препятствія двоякаго рода: со стороны *внѣшней*—«живой и мертвой»—природы и со стороны другихъ людей. Единственнымъ средствомъ для борьбы человѣка съ природой является *трудъ*, организованный въ формѣ *хозяйства*. Хозяйство есть та первичная, основная почва, на которой люди объединяются въ группу, въ общество. Совокупность хозяйственныхъ организацій въ данной обособленной общественной единицѣ есть то, что называется ея *производительными отношеніями* и ея *экономикой*. Прогрессъ человѣческаго общества имѣетъ въ ближайшей основѣ своей прогрессъ производственныхъ отношеній т. е. постепенную послѣдовательную смѣну низшихъ менѣе сложныхъ формъ хозяйства высшими болѣе сложными, а эта смѣна идетъ въ человѣчествѣ болѣе или менѣе параллельно его прогресивному численному росту: при прочихъ равныхъ условіяхъ, большая густота населенія совпадаетъ и съ большей культурностью его. Междугрупповая международная борьба и борьба внутригрупповая или классовая на позднѣйшихъ стадіяхъ развитія—являются производными отъ только что указанныхъ основныхъ двигателей историческаго процесса; появившись въ извѣстный моментъ, онѣ могутъ быть съ теченіемъ времени устранены ходомъ вещей.

Чѣмъ человѣкъ меньше *приспособляетъ* къ себѣ посредствомъ соціально-трудовыхъ организацій внѣшнія условія своего существованія, тѣмъ въ большей мѣрѣ долженъ онъ самъ обладать способностью приспособляться, а это именно и наблюдается въ жизни дикихъ и малокультурныхъ, но *жизнеспособныхъ* племенъ.

Способность киргизовъ приспособляться къ внѣшней обстановкѣ сильно бросается въ глаза даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ихъ жизнью въ разныхъ частяхъ степи, рѣзко несходныхъ по характеру общихъ естественно-историческихъ условій и по степени вліянія на киргизовъ другихъ, болѣе культурныхъ народовъ.

Такъ, въ Зайсанскомъ уѣздѣ, Семипалатинской области, лѣтомъ 1901 г. автору пришлось жить среди такихъ киргизовъ, которые, не зная другого способа передвиженія, кромѣ верховой ѣзды на лошади и верблюдѣ, не зная никакихъ промысловъ и заработковъ, въ то же время занимаются, на ряду

съ чисто-пастбищнымъ скотоводствомъ, земледѣліемъ исключительно *поливного* типа. Научились же они при помощи одной лопаты проводить сложнѣйшія ирригаціонныя сѣти, коими покрыты всѣ долины рѣкъ и рѣчекъ, отъ своихъ сосѣдей — китайцевъ и дунганъ.

Въ Устькаменогорскомъ, Каркаралинскомъ и Акмолинскомъ уѣздахъ на пріискахъ, въ Павлодарскомъ—на каменно-угольныхъ копяхъ, а по Иртышу—на пароходахъ и пристаняхъ—масса профессіональныхъ рабочихъ киргизовъ, которые работаютъ нерѣдко артелями и чуть ли не самостоятельно додумались до забастовокъ: это пролетаріи чистѣйшей воды.

Въ сѣверныхъ частяхъ Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ и въ уѣздахъ Кустанайскомъ, Актюбинскомъ и Уральскомъ киргизы ведутъ въ широкихъ размѣрахъ земледѣльческое хозяйство по тому же типу, какой наблюдается въ сосѣднихъ казачьихъ и переселенческихъ поселкахъ. Они охотно пріобрѣтаютъ косилки, жнейки, желѣзные плуги и даже молотилки и настолько вошли во вкусъ этой новой жизни, что уже съ гордостью заявляютъ: «Чему еще могутъ научить насъ русскіе въ хозяйствѣ? теперь мы сами ихъ можемъ учить!» Сказать какому-либо киргизу-сѣверянину, что онъ ведетъ свое хозяйство, какъ русскій—«о русча»,—значитъ польстить ему самымъ пріятнымъ для него образомъ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Уральскаго уѣзда средній посѣвъ на сѣющее хозяйство достигаетъ до 9 казенныхъ десятинъ; по Актюбинскому уѣзду число сѣющихъ хозяйствъ составляетъ 94,4%, средній посѣвъ на сѣющее хозяйство 6,2 дес.; продано по уѣзду за 1898 г. 1.183.000 пудовъ зерна, главнымъ образомъ проса, причемъ на продававшее хозяйство приходится проданнаго хлѣба по 70 пудовъ, а вообще на каждое хозяйство въ уѣздѣ—около 67 пудовъ.

Въ томъ же районѣ, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, развиты разные заработки и промыслы. Такъ въ 1904 г. по Карачаганакской волости Уральскаго уѣзда авторомъ было зарегистрировано: 80 сапожниковъ съ среднимъ *объявленнымъ* заработкомъ въ 56 р. 40 коп.; 40 кибиточныхъ мастеровъ съ среднимъ заработкомъ въ 65 р. 79 к.; 60 торговцевъ съ среднимъ чистымъ доходомъ по 98 р. 60 к.; 10 плотниковъ съ средн. заработкомъ по 60 р. 80 коп.; 13 кузнецовъ съ ср. заработкомъ по 106 р. 54 коп.; 16 мясниковъ съ сравнительно скромнымъ доходомъ по 37 р. 22 к.; 13 извозчиковъ съ ср. заработкомъ по 62 р. 10 коп.; 392 чернорабочихъ, зарабатывающихъ въ среднемъ по 52 р. 45 к. Кромѣ того, какъ единичные случаи, отмѣчены доходы и заработки приказчиковъ, писарей, чабаровъ (разсыльныхъ), сѣдельниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, содержателей чайныхъ,

харчевенъ, постоялыхъ дворовъ, почтосодержателей и пр. Всего, изъ 1597 хозяйствъ по волости посторонніе доходы, помимо скотоводства и земледѣлія, отмѣчены у 703 или у 44%, при среднемъ заработкѣ около 65 рублей, причемъ надо имѣть въ виду, что многіе киргизы скрыли свои заработки или значительно уменьшили ихъ доходность при опросѣ.

И, наконецъ, въ Средней Азіи, можно встрѣтить немало киргизовъ, занимающихся *садоводствомъ* и поливнымъ земледѣліемъ по системѣ, цѣликомъ перенятой у сосѣднихъ сартовъ; хорошій садъ, дающій въ урожайные годы до 400 пудовъ яблоковъ, встрѣченъ былъ мною въ Темирскомъ уѣздѣ, впрочемъ, какъ совершенно исключительное явленіе, пока еще не нашедшее себѣ подражателей среди окрестныхъ киргизовъ.

Вообще, киргизы не упускаютъ случая извлечь выгоды даже и изъ чисто случайныхъ, исключительныхъ особенностей той или другой мѣстности. Въ Караагачской волости, Уральскаго уѣзда, есть, напр., рыбное озеро Сулу-куль, гдѣ раньше ловили рыбу русскіе. Въ настоящее время всѣ почти окрестные киргизы — рыбаки, умѣющіе не только ловить, солить и вялить рыбу, но и вязать сѣти и готовить другія снасти.

То же самое наблюдается и въ формахъ землепользованія, которыя почти всегда болѣе или менѣе строго приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ, какъ естественно-историческимъ, такъ и хозяйственнымъ: если плохія земли, годныя только подъ пастбище, лежатъ въ земледѣльческой общинѣ на югѣ, а пахотныя на сѣверѣ, киргизы *лѣтуютъ**) на югѣ, а сѣверныя земли распахиваютъ, и вообще располагаютъ свои лѣтнія кочевки такъ, чтобы это было сообразно съ выгодами осѣдлыхъ сторонъ ихъ хозяйства: земледѣліемъ и сѣнокошеніемъ.

Въ Тарбагатайскихъ горахъ (Зайсанск. у.), гдѣ зимой мѣстами, изъ-за глубокаго снѣга, невозможно никакое сообщеніе, вы видите рядъ маленькихъ общинокъ въ 5—10—25 кибитокъ, изъ коихъ каждая выбираетъ мѣсто для постройки постоянныхъ зимнихъ жилищъ—«зимовокъ»—такъ, чтобы скотъ можно было пасти вокругъ, не нуждаясь въ перегонахъ на болѣе далекія мѣста.

Въ Актюбинскомъ уѣздѣ, наоборотъ, преобладаютъ большія аульныя земледѣльческія общины (отъ 100 до 250 хозяйствъ) въ родѣ казачьихъ и переселенческихъ, такъ какъ въ виду однообразнаго качества земель здѣсь поперемѣнно каждая часть общины служитъ то пашней, то лѣтнимъ пастбищемъ для всего аула.

---

*) Лѣтовать (джайляу) значитъ стоять глѣ-либо лѣтомъ въ войлочныхъ юртахъ или кибиткахъ и пасти стада.

А въ упомянутой выше Карачаганакской волости (Ур. у.) уже намѣчается крупная волостная община, какъ и въ сосѣднихъ волостяхъ, потому что здѣсь территоріи отдѣльныхъ ауловъ вытянулись въ видѣ длинныхъ и узкихъ полосъ—по киргизски: «мангдай» (лобъ), шириной по 4—5 верстъ, а длиной до 60—70 верстъ, благодаря чему соблюденіе аульныхъ границъ является немыслимымъ и невыгоднымъ съ точки зрѣнія хозяйственныхъ удобствъ и интересовъ.

Грамотность русская и мусульманская, знаніе русскаго языка, смѣшанная пища съ значительнымъ потребленіемъ растительныхъ продуктовъ, удобная въ трудовомъ обиходѣ одежда на татарскій ладъ, чистыя и просторныя жилища для зимы, нерѣдко уже съ прямыми и сознательными претензіями на извѣстный комфортъ,—все это сопутствуетъ, именно, какъ разъ развитію земледѣлія и промысловъ и почти цѣликомъ отсутствовало до самаго послѣдняго времени у сохранившихся до сихъ поръ огромныхъ массъ чистыхъ кочевниковъ-скотоводовъ, ко орые живутъ попрежнему не трудами рукъ своихъ, а челюстями своихъ лошадей, верблюдовъ и барановъ, перекочевывая съ ними съ мѣста на мѣсто, изъ года въ годъ, съ незапамятныхъ библейскихъ временъ.

Итакъ, какъ результатъ сильно развитой приспособляемости киргизскаго народа къ особенностямъ внѣшней обстановки, мы имѣемъ въ настоящее время въ киргизской степи не одинъ, а нѣсколько различныхъ и взаимно борющихся между собою хозяйственныхъ типовъ, начиная отъ чисто скотоводческаго кочевого черезъ скотоводческо-земледѣльческій, земледѣльческій-чистый и земледѣльческо-промысловый до чисто промысловаго, распадающагося на два противоположныхъ типа: предпринимательскій и пролетарскій.

Это является лучшимъ доказательствомъ жизнеспособности и энергіи киргизскаго народа и богатства его духовныхъ силъ, позволяющихъ ему быстро осваиваться съ окружающими условіями и встать по отношенію къ нимъ въ наиболѣе выгодное положеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Только свыкшись съ этой, для пишущаго эти строки совершенно безспорной мыслью, читатель сможетъ должнымъ образомъ уяснить себѣ, если не картину, то по крайней мѣрѣ грубый абрисъ той борьбы за землю, которая до сихъ поръ идетъ по всей степи и выражается иногда въ крайне рѣзкихъ формахъ, совершенно непонятныхъ, если смотрѣть на киргизовъ, какъ на однородную неподвижную въ хозяйственномъ и культурномъ отношеніи массу кочевниковъ-скотоводовъ.

II.

Элементы борьбы уже намѣчены.

Теперь мы должны разсмотрѣть, на какой почвѣ она происходитъ и въ какихъ формахъ выражается. Основную причину своей борьбы за землю сами киргизы опредѣляютъ довольно точно и ясно. Они говорятъ: *халыкъ уседы, жиръ успейды*, народъ растетъ, земля не растетъ, т. е. народъ размножается, а земля остается все та же.

И дѣйствительно, при кочевомъ и чисто пастбищномъ скотоводствѣ долженъ существовать извѣстный предѣлъ, сверхъ котораго населеніе, живущее на данной опредѣленной территоріи, не можетъ доводить размѣры своихъ стадъ. Предѣлъ этотъ опредѣляется тѣмъ количествомъ скота, какое можетъ прокормиться на данной территоріи *при наименьше благопріятныхъ условіяхъ*, т. е. въ самый тяжелый годъ. Всякій излишній скотъ сверхъ этого предѣла, хотя и могъ бы прокормиться въ средніе и лучшіе годы, въ плохой годъ не только падетъ самъ, но и повлечетъ за собою гибель почти всего стада, такъ какъ онъ задолго до конца зимы съѣстъ тотъ запасъ подножнаго корма, который предѣльному количеству скота какъ разъ и пригодился бы подъ конецъ зимы: недостатокъ корма даже на одну недѣлю рѣшаетъ въ такихъ случаяхъ участь всего киргизскаго живого капитала.

Слѣдовательно, чтобы опредѣлить, сколько киргизовъ - кочевниковъ, ведущихъ чисто пастбищное хозяйство, можетъ безбѣдно прожить на данной территоріи, способной въ наиболѣе неблагопріятные годы прокормить извѣстное предѣльное количество скота, намъ нужно знать, сколько скота необходимо одной кочевой семьѣ для того, чтобы она, живя ни бѣдно, ни богато, могла полностью удовлетворять всѣ свои потребности, иначе говоря, нужно, опредѣлить норму благосостоянія кочевой семьи.

Норма емкости всей данной территоріи въ отношеніи населенія опредѣлится при такихъ условіяхъ, какъ частное отъ дѣленія предѣльнаго количества скота на норму обезпеченія скотомъ одной кочевой семьи.

Размножаясь сверхъ того количества, какое можетъ безъ затрудненія прожить на данной территоріи при пастбищно-скотоводческомъ хозяйствѣ, населеніе неминуемо принуждено будетъ испытать хозяйственный кризисъ, для ослабленія котораго ему придется избирать одинъ изъ трехъ возможныхъ путей: или увеличить размѣры пастбищной территоріи путемъ захвата новыхъ земель, или понизить уровень своихъ потребностей,

иначе обѣднѣть или, наконецъ, перейти къ болѣе совершенной, болѣе интенсивной формѣ хозяйства, требующей меньшей площади земли для существованія одной семьи. Иными словами, измѣнить или *размѣры территоріи*, или *уровень потребностей* или, наконецъ, *форму хозяйства*.

Первый путь къ улучшенію своего положенія, въ болѣе или менѣе серьезныхъ размѣрахъ практиковался киргизами до принятія русскаго подданства и нѣкоторое время послѣ того, когда они силой отнимали пастбища у сосѣднихъ народовъ, особенно у калмыковъ. Послѣ массового бѣгства калмыковъ при Екатеринѣ II, освобожденныя ими земли между Волгой и Ураломъ были заняты въ 1801 г. частью Малой Орды подъ предводительствомъ хана Джангера. Отсюда и получилось начало такъ называемой Букеевской орды.

Съ тѣхъ поръ въ степи имѣли и имѣютъ мѣсто лишь частичныя переселенія небольшихъ ауловъ, но эти переселенія, содѣйствуя болѣе равномѣрному распредѣленію киргизовъ по всей степи, не были въ состояніи ослабить начавшійся, вѣроятно, еще въ XVIII столѣтіи кризисъ пастбищно-скотоводческой формы хозяйства.

Тѣмъ болѣе, что какъ разъ во второй половинѣ XVIII столѣтія началось усиленное наступательное движеніе на киргизскую степь со стороны казачьей колонизаціи, требовавшей для себя весьма значительнаго количества земель: напр., одно Оренбургское войско занимаетъ въ настоящее время площадь въ 7 съ половиной милліоновъ десятинъ, а, кромѣ того, за счетъ киргизскихъ земель были устроены войска Сибирское и Семирѣченское, занимающія не менѣе 5 мил. десятинъ; уральское войско во второй половинѣ XIX столѣтія оттягало у киргизовъ всю лѣвую сторону Урала съ массою хорошихъ заливныхъ луговъ, нынѣ по нуждѣ арендуемыхъ тѣми же киргизами.

При такомъ положеніи дѣла, когда площадь пастбищъ, предоставляемыхъ свободному пользованію киргизскаго народа, не расширялась, а, наоборотъ, значительно сокращалась, очевидно, для киргизовъ оставалось только два другихъ выхода изъ критическаго положенія, а именно: сначала обѣднѣніе, а затѣмъ постепенный переходъ къ осѣдлому земледѣльческому хозяйству.

Чтобы понять, какъ могло произойти это въ дѣйствительности, мы должны установить, какимъ образомъ киргизы пользовались степными пастбищами до кризиса ихъ единственной традиціонной формы хозяйства *).

Степь четырехъ сѣверныхъ областей: Уральской, Тургай-

*) Здѣсь мы пользуемся упомянутой въ предисловіи работой Н. Ф. Дмитріева: «Очеркъ хоз. быта киргизовъ», стр. 7—26

ской, Акмолинской и Семипалатинской отличается тѣмъ типичнымъ свойствомъ, что здѣсь *на сѣверѣ* сгруппированы лучшія земли съ болѣе или менѣе богатой и разнообразной растительностью, тогда какъ *на югѣ* преобладаютъ солонцы и песчаныя пустыни, гдѣ растутъ лишь грубыя травы да и то въ сравнительно ничтожномъ количествѣ: продолженіемъ этихъ южныхъ степей служатъ ближайшіе районы областей Закаспійской и Сыръ-Дарьинской.

Такая особенность въ характерѣ территоріи всѣхъ этихъ степныхъ областей и опредѣлила собою направленіе кочевокъ и форму землепользованія населявшихъ эти области киргизовъ: зиму они всѣ проводили въ обширныхъ южныхъ пустыняхъ, гдѣ снѣгу мало, и рѣдко бываютъ такіе бураны, какъ на сѣверѣ, а на лѣто они откочевывали въ роскошныя, обильныя кормомъ и водою сѣверныя степи. Наличность подножнаго корма избавляла кочевниковъ отъ необходимости заботиться о кормовыхъ запасахъ на зиму, а возможность зимовать на югѣ, въ сравнительно теплыхъ мѣстахъ, позволяла обходиться безъ постоянныхъ жилищъ, довольствуясь круглый годъ одной и той же переносной войлочной юртой.

При этомъ, въ виду постоянно волновавшихъ степь, раздоровъ и междоусобій, ближайшіе родичи и во время пути, и во время стоянокъ зимой и лѣтомъ естественно старались держаться вмѣстѣ, чтобы быть во всякую данную минуту готовыми отразить врага общими силами. Пораженіе въ такой схваткѣ было равносильно почти полному разоренію для данной родовой группы, такъ какъ главная цѣль нападенія состояла въ томъ, чтобы угнать у побѣжденныхъ по возможности весь наличный скотъ, единственное цѣнное достояніе каждаго кочевника *).

Этимъ и объясняется та удивительная родовая сплоченность, какая въ старыя времена наблюдалась по всей степи, а сейчасъ сохранилась только у такихъ истыхъ скотоводовъ-кочевниковъ, какъ *адайцы* Уральской и Закаспійской областей. Адайцы до сихъ поръ никогда не обращаются къ услугамъ русскаго суда для разбирательства своихъ «семейныхъ» дѣлъ, а при столкновеніяхъ съ другими родами стараются замять дѣло «по киргизскому обычаю», платя, напр., за убійство пеню, штрафъ, по-киргизски «кунъ», въ 1000 барановъ, 40 кобылицъ, 500-600 рубл. деньгами и «бесъ жаксы»—пять хорошихъ

*) Подобный способъ отбирать у врага его стада послѣ кровавой схватки въ открытомъ бою сохранился кое-гдѣ въ степи еще и до сихъ поръ и носитъ названіе: «барымта», честная военная добыча, въ отличіе отъ позорнаго воровства—«урлукъ», какъ тайнаго похищенія чужой собственности.

вещей: ружье, коверъ, саблю и пр., всего около 7000 рублей; все это собирается по раскладкѣ со всего рода, къ которому принадлежитъ убійца, и вносится весьма охотно, чтобы только не доводить дѣло до русскаго суда, не понимающаго киргизскихъ обычаевъ. Воровство среди своихъ у адайцевъ, повидимому, никогда не практикуется, но и у чужихъ адаецъ не воруетъ, а беретъ посредствомъ открытаго нападенія—«барымта», близко напоминающаго собою прежнія междоусобныя схватки *).

Во избѣжаніе излишнихъ поводовъ къ такимъ столкновеніямъ кочевые роды уже издавна должны были придерживаться по возможности однихъ и тѣхъ же путей и урочищъ на зимнихъ и лѣтнихъ стоянкахъ. Такимъ то образомъ, у каждаго рода и получалась въ концѣ концовъ своя сфера вліянія, въ видѣ длинной, протянувшейся съ сѣвера на югъ полосы степи—«мангдай». Конечно, у болѣе сильныхъ и вліятельныхъ родовъ и «мангдай» былъ лучше и шире, что обезпечивало имъ возможность, имѣя большее количество скота, размножаться быстрѣе другихъ, болѣе слабыхъ и бѣдныхъ родовъ **).

Когда наступилъ кризисъ пастбищно-кочевого хозяйства, понятно, сильнѣе всего онъ долженъ былъ отразиться на судьбѣ такихъ слабыхъ, малочисленныхъ родовъ, которые не только не въ состояніи были *раздвинуть* на обѣ стороны своихъ сосѣдей, чтобы очистить себѣ большій пастбищный просторъ, а наоборотъ, должны были сами, выдерживая двусторонній натискъ, сжиматься и сокращать свою мангдайную полосу. Таковы Семиродцы (Жетру) Малой орды.

Сокращеніе пастбищъ вело за собой усиленные падежи скота, а это принуждало стѣсненные и обѣднѣвшіе роды подумать о своей дальнѣйшей судьбѣ: разъ прежняя форма хозяй-

---

*) «Пусть говорятъ, что мы, адайцы, дикари, невѣжды и даже разбойники... *Но адайцы не воры!*» съ гордостью заявилъ намъ одинъ адайскій аксакалъ (старикъ, букв. бѣлобородый) въ 1905 г.

**) Родъ для киргизовъ является и до сихъ поръ живой коллективной личностью, у которой есть свои достоинства и недостатки, своя слава и позоръ. Такъ родъ Исентемиръ, изъ числа 12 боюлинскихъ наиболѣе бѣдный и малочисленный не пользуется ни почетомъ, ни уваженіемъ. Тогда какъ адайцы весьма гордятся своимъ именемъ и, потому, пожалуй имѣютъ на это право, какъ родъ наиболѣе воинственный, независимый, *многочисленный и богатый скотомъ.* На этотъ счетъ въ степи есть даже поговорка, приписывающая адайцу такой отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи: «Таныcанъ адаймынъ, танымасонъ Кудаймынъ»! Если признаешь меня, я адаецъ, а не признаешь я твой Богъ, т. е. что захочу, то и сдѣлаю съ тобой. На ярмаркахъ Уральской области адайцы наиболѣе желанные покупатели и заказчики: они не торгуются и деньгами не дорожатъ. На общихъ пирушкахъ (той) лучшее мѣсто отводится представителямъ наиболѣе славнаго и уважаемаго рода. На осѣдлыхъ адайцы смотрятъ свысока, какъ на бѣдняковъ.

ства не могла уже служить для нихъ надежнымъ обезпеченіемъ, оставалось волей-неволей искать другую, болѣе соотвѣтствующую тому положенію, въ какомъ малосильные роды оказались вслѣдствіе кризиса. *И вотъ эти роды осѣдаютъ на сѣверѣ для того, чтобы жить тамъ круглый годъ, вблизи и отчасти подъ охраной русскихъ поселеній.*

Въ виду болѣе сильныхъ холодовъ и бурановъ и болѣе глубокаго снѣга здѣсь, на сѣверѣ, осѣданіе ведетъ за собой устройство постоянныхъ зимнихъ жилищъ для себя и прочныхъ загородей для скота взамѣнъ передвижной войлочной юрты и передвижныхъ же загородей изъ войлока или камыша, а затѣмъ, естественно, возникаетъ вопросъ о заготовленіи на зиму посредствомъ сѣнокошенія извѣстныхъ запасовъ готоваго корма «на всякій случай» и для подкармливанія болѣе слабыхъ и молодыхъ животныхъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго размноженія и близости русскихъ земледѣльческихъ поселеній, начинаетъ постепенно развиваться и земледѣліе, отъ котораго, по выраженію киргизовъ, двойная польза: себѣ пища и скоту кормъ.

Излишекъ сѣна и соломы, остающійся отъ потребленія въ наиболѣе урожайные и вообще благопріятные годы, позволялъ осѣдлымъ пополнять недохватки годовъ неурожайныхъ, а это значительно повышало норму емкости территоріи. При кочевомъ же пастбищномъ хозяйствѣ избытокъ корма въ лучшіе годы нисколько не можетъ компенсировать его недостатки въ плохіе.

Чтобы не возвращаться къ этому вопросу еще разъ, мы должны въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтить то значеніе, какое могла имѣть въ этомъ процессѣ послѣдовательнаго осѣданія киргизовъ и развитія у нихъ земледѣльческаго хозяйства, издавна существовавшая связь степи съ русскимъ, а черезъ него и съ міровымъ рынкомъ. Чистые кочевники могли отчуждать въ такихъ пунктахъ, какъ Оренбургскій мѣновой дворъ, только скотъ и продукты скотоводства: кожи, шерсть, волосъ и пр., покупая взамѣнъ того посуду, домашнюю утварь, одежду и вообще все то, что не могло быть сдѣлано дома, изъ своего матеріала. При обиліи животной пищи: мяса, молока и кумыса, кочевники смотрѣли на такіе предметы, какъ: чай, сахаръ и хлѣбъ, какъ на простое лакомство или, точнѣе, предметы роскоши. Обѣднѣвшіе роды, наоборотъ, имѣли слишкомъ мало скота не только для продажи, но и для собственнаго потребленія: весьма ограниченная для нихъ возможность питаться мясомъ и кумысомъ дѣлала необходимымъ введеніе въ обиходъ жизни какого-нибудь новаго вида пищи, недорогого и доступнаго каждому бѣдняку: *явилась потребность въ ра-*

стительныхъ продуктахъ, въ хлѣбъ. А такъ какъ покупать этотъ хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ у русскихъ обѣднѣвшимъ киргизамъ было не на что, то нужда и научила ихъ ѣсть калачи: они сами принялись за посѣвъ хлѣба. Въ настоящее время въ наиболѣе культурныхъ районахъ степи домашнее потребленіе хлѣба у киргизовъ приближается къ среднему крестьянскому.

Но этого мало. Мы уже видѣли выше, что актюбинскіе киргизы производятъ хлѣба такъ много, что сами имѣютъ возможность выбрасывать на рынокъ болѣе милліона пудовъ зерна ежегодно: недостаточность отчужденія продуктовъ скотоводства, которое у осѣдлыхъ имѣетъ сравнительно скромные размѣры, восполняется отчужденіемъ продуктовъ земледѣлія. Хозяйство становится на двѣ ноги и потому пріобрѣтаетъ болѣе устойчивое равновѣсіе.

III.

Переходъ къ болѣе интенсивной и болѣе устойчивой формѣ хозяйства позволилъ осѣвшимъ родамъ размножаться въ уровень съ кочевниками и, можетъ быть, даже быстрѣе ихъ, а это, конечно, поднимало силу и значеніе прежде униженныхъ и забитыхъ родовъ сравнительно съ богатыми и вліятельными кочевниками.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ, не предвидя будущаго, кочевники не могли быть особенно противъ того, что обѣднѣвшіе роды садились на сѣверѣ, чтобы жить тамъ и зиму, и лѣто. Наоборотъ, уменьшеніе числа ежегодно возвращающихся на зиму въ южныя степи ставило кочевниковъ въ лучшія по сравненію съ прошлымъ условія, такъ какъ представляло въ ихъ распоряженіе большій пастбищный просторъ въ самое трудное и опасное время, т. е. ослабляло для нихъ причины кризиса и улучшало ихъ положеніе.

Но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе уже отмѣченыхъ нами простѣйшихъ причинъ, для кочевниковъ должны были неизбѣжно, съ роковой неотвратимостью обнаружиться и оборотная, невыгодная сторона ихъ положенія.

Дѣло въ томъ, что размножаясь весьма быстро въ силу приспособленія къ новой, болѣе благопріятной обстановкѣ существованія, и пользуясь въ теченіе ряда поколѣній однѣми и тѣми же землями, сѣверные, осѣдлые киргизы къ настоящему времени уже почти совершенно забыли о происхожденіи ихъ права на занимаемую ими землю и стали серьезно считать себя хозяевами прежнихъ общихъ лѣтовокъ, не считаясь ни съ

какими прежними мангдаями и признавая себя вправѣ, по своему усмотрѣнію, допускать или не допускать на то или иное урочище кочевниковъ и неприписныхъ, стороннихъ киргизовъ*), а также сдавать любое мѣсто въ аренду казакамъ, разночинцамъ и переселенцамъ изъ Россіи.

Въ виду абсолютнаго сокращенія площади прежнихъ общинъ лѣтовокъ, лучшія части которыхъ постепенно оказались захваченными зимовками, пашнями и сѣнокосами осѣдлыхъ, размноженіе самихъ кочевниковъ, сокращавшее относительно и площадь южныхъ пастбищъ на единицу населенія, должно было поставить ихъ въ то тяжелое, безвыходное положеніе, когда не кочевать нельзя, а кочевать трудно, почти невозможно, потому что на сравнительно ничтожную площадь свободныхъ лѣтовокъ, пока еще оставшихся отъ прежняго простора и приволья, кочевниковъ, теперь приходится въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ прежде.

Такимъ образомъ, сильные и богатые кочевые роды, насильственно притиснувши болѣе слабые и бѣдные роды, во время степного скотоводчество-кочевого кризиса, осѣдлому образу жизни, дали имъ новое серьезное оружіе для борьбы за размноженіе, и это оружіе было потомъ весьма умѣло пущено осѣдлыми въ ходъ противъ кочевниковъ, своихъ недавнихъ притѣснителей и обидчиковъ.

Иными словами, сильные кочевники, всегда бравшіе верхъ надъ обѣднѣвшими родами, пока сражались съ ними на одинаковой для обѣихъ сторонъ почвѣ пастбищно-кочевого хозяйства, были наиболѣе приспособлены къ внѣшней обстановкѣ своего существованія только до перехода побѣжденныхъ къ другой, болѣе совершенной и устойчивой формѣ хозяйства, дававшей больше гарантій противъ случайностей урожая травъ и зимней погоды.

Но какъ только этотъ переходъ совершился, и осѣдлые настолько окрѣпли въ новыхъ условіяхъ жизни, чтобы почувствовать себя въ состояніи перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, изъ страдательнаго залога въ дѣйствительный, роли быстро перемѣнились и кочевники скоро сами оказались въ роли наименѣе приспособленныхъ, въ роли побѣжденныхъ. Произошло это такъ. Желая поддержать коэффиціентъ своего размноженія на прежнемъ уровнѣ при наступившемъ стѣсненіи въ пастбищахъ, кочевники въ лучшія и средніе годы стремились довести свои стада до наибольшаго размѣра, далеко превышавшаго тотъ максимальный предѣлъ, свыше котораго

*) Объ этихъ неприписанныхъ, сторонних киргизахъ, называемыхъ «гостями» (кунакъ) см. въ концѣ XI главы.

Горьковская Областная Библиотека
им. Ленина
г. Горький

они не могли увеличивать количество своего скота на оставшейся въ ихъ распоряженіи пастбищной территоріи.

А это вело къ тому, что «куянъ-жылы»*), годы джута или падежа скота отъ гололедицы и безкормицы, наступавшіе черезъ 12 лѣтъ, стали весьма рѣзко отражаться на благосостояніи отдѣльныхъ кочевыхъ группъ, превращая ихъ почти поголовно въ безскотныхъ бѣдняковъ, которымъ нечего было и думать о предложеніи прежняго кочевого образа жизни: «пѣшкомъ далеко не укочуешь».

Благодаря этому, съ каждымъ новымъ падежомъ скота у кочевниковъ происходило усиленное сокращеніе площади общихъ лѣтовокъ на сѣверѣ. Съ одной стороны, обѣднѣвшіе роды или части ихъ, не имѣя возможности кочевать, садились на облюбованныхъ лѣтовочныхъ мѣстахъ и превращались навсегда въ осѣдлыхъ, и съ другой—старожилы осѣдлые, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ падежа скота число кочевнивовъ, у которыхъ хватало силы дойти до сѣверныхъ лѣтовокъ, сразу падало до ничтожныхъ размѣровъ, спѣшили захватить своими постоянными угодьями лучшія части сосѣднихъ лѣтовочныхъ урочищъ.

Оправившись немного, кочевники натыкались на сѣверѣ на результаты этихъ новыхъ захватовъ лѣтовокъ со стороны осѣдлыхъ и потому, не имѣя возможности, при неподвижной формѣ хозяйства, возвратить себѣ прежній пастбищный просторъ, должны были бѣднѣть окончательно и терпѣть новые падежи скота даже и не въ годы куяна (черезъ 12 л.), а въ самые обыкновенные, какъ напр., 1904—1905, когда осѣдлые, благодаря кормовымъ запасамъ, почти совсѣмъ нисколько не пострадали.

IV

Принимая киргизовъ въ подданство въ 1731 г. русское правительство объ ихъ земельныхъ и хозяйственныхъ распо-

---

*) Особенно памятенъ степи «Большой куянъ» 187 г., послѣ котораго масса киргизовъ бросили кочевать и начали усиленно заниматься земледѣліемъ. «Малый куянъ», 1891 г., подѣйствовалъ въ томъ же направленіи, но слабѣе. Слово «куянъ» значитъ заяцъ. Дѣло въ томъ, что лѣтосчисленіе киргизы ведутъ по 12 лѣтнему циклу, обозначая каждый изъ годовъ въ опредѣленномъ порядкѣ именемъ животнаго: змѣя, курица, драконъ, обезьяна и проч. Киргизы запоминаютъ названіе года своего рожденія и это имъ облегчаетъ установить свой возрастъ. По наблюденію киргизовъ годы зайца бываютъ наиболѣе тяжелыми и неурожайными. Послѣдній «куянъ» 1903 г. прошелъ сравнтельно благополучно.

рядкахъ очевидно имѣло самое смутное представленіе. Вотъ почему жалованная грамота императрицы Анны Іоанновны написана крайне неясно и неопредѣленно. Только прилагая къ чтенію ея тѣ же способы, какіе нашъ мужикъ искони примѣняетъ при чтеніи и пониманіи всякихъ «плантовъ» и бумажекъ «насчетъ земли», передовые люди степи въ своей петиціи, поданной въ августѣ мѣсяцѣ 1905 г., могли вывести, что земля по этой грамотѣ была пожалована киргизамъ въ полную собственность, такъ какъ тамъ было написано, что киргизы принимаются въ подданство на равныхъ съ башкирами основаніяхъ, а башкиры владѣютъ землей на правѣ вотчинной собственности.

Вполнѣ понятная въ тѣ времена, когда правительство располагало весьма слабыми средствами надзора за своими подданными на окраинахъ, оговорка грамоты о томъ, чтобы киргизамъ не были чинимы обиды и насилія, авторами упомянутой петиціи была истолкована также въ томъ смыслѣ, что у киргизовъ нельзя отбирать землю.

Это довольно наивно. Если такъ именно понимать эту оговорку, то мы придемъ къ заключенію, что на почвѣ земельныхъ отношеній не поданные, а само правительство чинило киргизамъ обиды и насилія систематически, постоянно, болѣе 150 лѣтъ подъ рядъ!

Мы уже видѣли, что казачья колонизація «степи» была начата въ срединѣ XVIII вѣка и, непрерывно продолжаясь до послѣдней четверти XIX ст., постепенно отняла у киргизовъ болѣе 10 милліоновъ десятинъ самыхъ лучшихъ земель. А затѣмъ, по прекращеніи казачьей колонизаціи, были открыты продолжающіяся до настоящаго момента работы по образованію переселенческихъ участковъ изъ такъ называемыхъ киргизскихъ «излишнихъ земель».

Съ другой стороны, и ссылка на башкиръ не только наивна, но и курьезна. Башкирамъ для ихъ пользованія правительство отвело опредѣленный надѣлъ въ 15 дес. на душу. На остальныхъ «свободныхъ», такъ сказать, башкирскихъ земляхъ, на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, настроена масса русскихъ городовъ, селъ и деревень, захватившихъ въ общей сложности пожалуй гораздо большую площадь, чѣмъ какая до сихъ поръ отобрана у киргизовъ. Между тѣмъ, за свои 15 десятинъ башкиры обязаны отбывать воинскую повинность, отъ которой киргизы пока свободны. Существовавшему же еще не такъ давно праву башкиръ продавать свои земли по тысячѣ десятинъ за барана или фунтъ чаю*), я бы, на мѣстѣ киргизовъ, также не

*) См. Ремезова: «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи».

позавидовалъ, иначе, при темнотѣ и невѣжествѣ массы степного населенія, параллельно съ расхищеніемъ башкирскихъ земель могла бы разыграться, можетъ быть, еще болѣе грандіозная вакханалія расхищенія киргизской степи.

Какъ бы тамъ ни было, не можетъ подлежать сомнѣнію, что правительство сначала de facto, и потомъ de jure являлось полнымъ хозяиномъ киргизскихъ земель, предоставленныхъ пожизненному пользованію кочевниковъ по обычаю, а потому и спорить противъ этого *теперь* и поздно, и безполезно.

Только въ качествѣ такого полновластнаго хозяина, оренбургскіе генералъ-губернаторы могли въ первой половинѣ XIX в. запрещать киргизамъ... заниматься земледѣліемъ и вообще бросать свой традиціонный кочевой образъ жизни!

Въ качествѣ такового хозяина, администраторы 60-хъ годовъ, настроенные подъ вліяніемъ духа времени довольно либерально и культурно-просвѣтительно, отмѣняли такія запрещенія и вырабатывали основы дальнѣйшей гражданско-общественной и хозяйственно-экономической жизни киргизскаго народа. Они полагали вполнѣ правильно, что настоящими русскими подданными киргизы будутъ только въ томъ случаѣ, если каждаго изъ нихъ привязать къ опредѣленному клочку земли, гдѣ бы у него было постоянное жилище и постоянныя угодья: пашни, сѣнокосы и пастбища. Слѣдовательно, въ глазахъ такихъ администраторовъ наиболѣе благонадежнымъ и желательнымъ элементомъ являлись осѣдлые киргизы, а никоимъ образомъ не киргизы кочевники, съ ихъ неискоренимой и безпокойной склонностью къ вѣчному «бродяжничеству»*).

Именно желаніемъ закрѣпить и усилить переходъ киргизовъ къ болѣе или менѣе осѣдлому образу жизни и было проникнуто Положеніе 1868 г., раздѣлявшее степь и ея населеніе не на родовыя единицы, а на территоріальныя волости, общественная и хозяйственная жизнь которыхъ должна была происходить подъ неослабнымъ и ближайшимъ надзоромъ русскихъ чиновниковъ и русскихъ бюрократическихъ учрежденій. И на самомъ дѣлѣ, въ исторіи киргизской осѣдлости это Положеніе было однимъ изъ рѣшающихъ, поворотныхъ моментовъ: оно проводило рѣзкую и опредѣленную грань между прошлымъ степи и ея будущимъ, и это не могло не быть понято тогда еще сильными и сравнительно независимыми кочевниками.

Кочевники чувствовали, что новый законъ, нарушая коренным образомъ всѣ дѣдовскіе обычаи, сложившіеся при чистой кочевой жизни, можетъ быть полезенъ только осѣдлымъ кирги-

*) Пользуемся данными изъ доклада г. Васильева, прочитаннаго въ Оренб. Архивн. комиссіи, осенью 1905 г.

замъ, но ни въ коемъ случаѣ не кочевникамъ, какъ таковымъ. Осѣдлые киргизы, получая по этому закону земельные надѣлы въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ границахъ для пашни, сѣнокоса и зимняго пастбища, тѣмъ самымъ оказывались вполнѣ законными хозяевами значительной и лучшей части прежнихъ общихъ лѣтовокъ, при полной свободѣ для нихъ захватывать и въ дальнѣйшемъ то, что имъ нравилось на этихъ лѣтовкахъ, въ прямой ущербъ интересамъ и выгодамъ кочевниковъ, получавшихъ при такомъ порядкѣ только жалкіе клочки и обрывки изъ былого пастбищнаго простора на сѣверѣ.

Вотъ почему въ степныхъ волненіяхъ 1869 г., явившихся прямымъ отвѣтомъ на новый законъ, кочевники составляли главную армію недовольныхъ, обиженныхъ, бунтующихъ, охотно слѣдовавшую за неменѣе недовольными и обиженными предводителями изъ только что и навсегда устраненнаго отъ власти киргизскаго благороднаго сословія, ханскихъ потомковъ, «султановъ» *).

А разъ и султаны, и кочевники были недовольны новыми степными порядками, имъ оставалось только одно — бѣжать. Куда?—Туда, на югъ, въ Хиву, Бухару, Афганистанъ, Китай!

Это имѣло для нихъ самыя тяжелыя послѣдствія. Какъ только «бунтовщики» убѣжали на югъ, вѣрноподданные киргизы поклонились начальству да, записавши за собой лучшія мѣста на покинутыхъ непокорными кочевниками лѣтовкахъ, образовали новыя осѣдлыя волости. А бѣжать недовольнымъ оказалось некуда, потому что нигдѣ на югѣ не было достаточной для нихъ площади свободныхъ пастбищъ: все было занято или осѣдлыми туземцами, или мѣстными кочевниками, которые, по понятнымъ причинамъ, не могли встрѣтить нежданныхъ и непрошенныхъ гостей особенно дружелюбно и радушно. Проскитавшись одно лѣто, пришлось волей-неволей покориться Бѣлому Царю и поспѣшить оставить за собой хоть то, что осталось послѣ захвата земель старыми и новыми осѣдлыми волостями.

Въ Темирскомъ уѣздѣ, Уральской области, верховья рѣки Уила принадлежали до бунта—«хауажылы» — роду Табынъ. Когда табынцы сбѣжали на югъ, ихъ земли занялъ родъ Алимъ, который и живетъ теперь тамъ осѣдло, какъ хозяинъ. Только VIII аулъ Калмакъ, кырганской волости да II—Кумдуильской населены табынцами, потомками тѣхъ предусмотри-

*) Аристократическіе «султаны-правители», управлявшіе до 1869 г. большими «частями» степи, имѣли огромную власть и вліяніе. Съ 1869 г. высшая киргизская должность—волостной управитель по выбору самого населенія, хотя и ограниченному усмотрѣніемъ начальства.

тельныхъ киргизовъ, которые догадались воротиться изъ бѣговъ раньше другихъ и записаться въ волости вмѣстѣ съ алимцами. Теперь остальные табынцы-кочевники (ихъ три волости), будучи крайне стѣснены на лѣтовкахъ, сильно раскаиваются въ своей опрометчивости, но уже сдѣланнаго не воротишь. И это, конечно, не единичный, не исключительный случай.

V.

Послѣ 1870 г., когда кочевники приняли законъ объ общественномъ управленіи и сами образовали волости, сплошь и рядомъ пріуроченныя къ чисто фантастическимъ, фиктивнымъ земельнымъ надѣламъ *), борьба изъ-за лѣтовокъ между кочующими и осѣдлыми весьма сильно обострилась.

Обостреніе это произошло на почвѣ той глубокой и существенной розни, какая къ тому времени уже достаточно рѣзко опредѣлилась между осѣдлыми и кочевниками, какъ двумя различными *хозяйственными типами*, ясно сознающими, вмѣсто былой родовой солидарности, коренную противоположность своихъ стремленій и интересовъ: что одному полезно, то другому смерть **).

Чтобы удержать за собою право ежегодно приходить съ своими стадами на сѣверныя лѣтовки, окруженныя со всѣхъ сторонъ землями осѣдлыхъ,—кочевники, забывши прежнія родовыя распри, начали дружно отстаивать популярный и въ русской хозяйственно отсталой деревнѣ принципъ: «земля Божья».

Въ своихъ, отнынѣ безпрерывныхъ спорахъ и пререканіяхъ съ забывшими былую степную правду осѣдлыми, кочевники очень часто стали укоризненно выдвигать такой аргументъ:

«Созданная Господомъ Богомъ земля служила прежде одинаково для всѣхъ насъ лѣтнимъ пастбищемъ, а теперь вы ее называете своей. Земля не ваша: она—во-первыхъ—Божья, а затѣмъ—царская (государственная)».

На это степные прогрессисты отвѣчаютъ коротко и ясно:

---

*) См. въ VII гл. объ административныхъ «свѣдѣніяхъ» по этому вопросу.

**) Теперь очень часто кочевники и осѣдлые, принадлежащіе къ ближайшимъ родовымъ группамъ, враждуютъ между собою, тогда какъ осѣдлые, принадлежа иной разъ къ совершенно различнымъ родамъ, прежде постоянно враждовавшимъ между собою, уживаются даже въ предѣлахъ одной земельной общины, какъ, напр., въ VII аулѣ Карагачской волости, Уральск. у. Солидарность по крови, по происхожденію, уступаетъ мѣсто солидарности по расчету. «Намъ русскіе ближе, чѣмъ кочевники», заявляли нѣкоторые изъ осѣдлыхъ.

«Теперь царской земли нѣтъ, и есть только людская земля». Иначе, у каждаго клочка земли есть свой хозяинъ *).

Осѣдлые сами въ своихъ показаніяхъ при статистическомъ опросѣ признаютъ, что началомъ этой распри послужило именно стремленіе ихъ *присвоить* себѣ прежнюю общую землю: «*Жиръ меники диленъ-сонъ-акъ, тюбелесъ булды*» **).

А разъ осѣдлый не хочетъ да и не можетъ отказаться отъ выгодъ своего обособленнаго пользованія землею, ему уже ни въ чемъ нельзя сойтись съ кочевникомъ.

Кочевнику лѣтомъ, естественно, хочется идти на сѣверъ, въ районѣ осѣдлыхъ волостей, по лучшимъ мѣстамъ, гдѣ есть хорошая трава и вода, но эти мѣста какъ разъ всего болѣе и дороги осѣдлому. «Для кушпильца (кочевника) здоровье своего скота важнѣе существованія всѣхъ осѣдлыхъ», жалуется аксакалъ казбецкой волости. «Ты ему говоришь: «Послушай, здѣсь нельзя: здѣсь у меня зимовка, около которой я буду пасти скотъ зимою, здѣсь у меня сѣнокосъ, тутъ вотъ у меня будетъ пашня, а тамъ вонъ маленькій клочекъ лѣтовки». А онъ тебѣ и отвѣчаетъ: «Какое мнѣ дѣло до всего этого? Раньше я здѣсь лѣтовалъ вездѣ!» ***).

Въ то время, какъ кочующій апеллируетъ къ отжившимъ обычаямъ предковъ, пользовавшихся буквально «безграничнымъ» просторомъ пастбищъ, осѣдлый заявляетъ: «По обычаю теперь жить спокойно нельзя: для спокойной жизни нужна земельная граница» (Тынышткка грань ****) жаксы). Т. е. нуженъ опредѣленный порядокъ землепользованія, его обособленность, чего кочевникъ признать не можетъ.

Разность уклада жизни рѣзко сказалась на привычкахъ и міросозерцаніи. Кочевникъ, привыкшій къ вѣковой «перемѣнѣ мѣстъ», совершенно не въ состояніи понять странной привязанности осѣдлаго къ маленькому, ограниченному клочку земли, на которомъ приходится жить *всю жизнь*. Съ своей стороны, осѣдлый не понимаетъ, какъ это кочевнику не надоѣстъ таскаться вѣки вѣчные, изъ года въ годъ, изо дня въ день: лѣтомъ на сѣверѣ, зимой на югѣ, весной и осенью въ дорогѣ!

---

*) Эти и ниже приводимыя выраженія записаны по Казбецкой осѣдлой волости, Темирск. у., Урал. обл.

**) Какъ только начали говорить: *земля моя*, пошли распри.

***) У джатака (осѣдлаго) пять угодій: въ одномъ мѣстѣ зимовка, въ другомъ пашня, тутъ сѣнокосъ, тамъ лѣтовка, а то еще сложитъ въ кучу 2—3 камня и говоритъ: «Это мой отаръ (хуторъ)!» въ свою очередь жалуются кочевники-адайцы, отмѣчая чисто «мужицкую» *жадность* осѣдлаго къ землѣ. «У адайцевъ земли много подъ небомъ: кочуютъ отъ Оренбурга до Мангышлака, на тысячу верстъ. А у насъ она вся тутъ», оправдываются осѣдлые.

****) Грань, кранъ—русское слово, обозначающее *новое* для степи понятіе.

Слѣдовательно, во взаимной борьбѣ кочевниковъ и осѣдлыхъ сталкиваются два разныхъ міра, двѣ эпохи, два міросозерцанія. И она будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока побѣжденные кочевники не откажутся отъ своей отсталой, пережиточной формы хозяйства и не станутъ жить, какъ осѣдлые, какъ русскіе, *какъ всѣ*.

Но до этого, конечно, пока еще далеко. И потому мы должны изложить и разсмотрѣть эту борьбу при тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, какія ея вызываютъ и сопровождаютъ.

Послѣ 1869 г., который по-киргизски называется «первый» или «новый штатъ»,*) осѣдлые, записавшись въ разные волости и аулы, начали дѣлиться между собой и въ земельномъ отношеніи. Чѣмъ меньше было земли, тѣмъ быстрѣе и энергичнѣе совершалось обособленіе. Наоборотъ, гдѣ не слишкомъ тѣсно, тамъ и до сихъ поръ сохранилось общее пользованіе «по старому обычаю». «Спорятъ только малоземельные». «У кого земли много, зачѣмъ будетъ спорить изъ-за границъ?» говоритъ уже упомянутый Казбецкій аксакалъ.

При этомъ, понятно, болѣе богатые, а потому и болѣе сильные и вліятельные аулы безъ большихъ стѣсненій увеличивали размѣры своего землепользованія за счетъ сосѣдей, которымъ иногда приходилось выдѣлять избытокъ своего населенія къ своимъ ближайшимъ многоземельнымъ родичамъ въ другомъ аулѣ или другой волости, а чаще всего *на свободныя лѣтовки*. Такъ что, при возникшей между самими осѣдлыми борьбѣ за землю, лѣтовки всегда оказывались тѣмъ запаснымъ фондомъ, на счетъ котораго устраивались наиболѣе стѣсненные, наиболѣе малоземельные элементы. Впослѣдствіи администрація, а затѣмъ и временныя партіи также охотно сажали на лѣтовки тѣхъ киргизовъ, земли которыхъ отбирались для какой-нибудь «казенной надобности». Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, въ Кустанайскомъ и Актюбинскомъ, степные воротилы—богачи захватывали лѣтовочныя земли и спеціально для того, чтобы сдавать ихъ *за свой счетъ* въ аренду казакамъ, разночинцамъ или крестьянамъ переселенцамъ.

Однимъ словомъ, постепенно входя во вкусъ новой жизни, осѣдлые, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше стали склонны церемониться съ нужными для кочевниковъ общими лѣтними пастбищами, и это не могло не вызвать со стороны кочевниковъ серьезныхъ протестовъ въ силу опасеній за будущее и сремле-

*) Слова эти нерѣдко такъ и произносятся, только на киргизскій ладъ: «первай штатъ», при чемъ «штатъ» въ Тургайской и Уральской области значитъ выборы на обществ. должности, впервые произведенные въ 1869 г. по закону 1868 г. Въ Акмолинской и Семипалатинской обл. выборы называются «Сайляу».

нія оградить себя отъ печальной перспективы со временемъ совсѣмъ лишиться доступа на сѣверъ.

Въ виду многочисленныхъ жалобъ и заявленій кочевниковъ, администрація должна была въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ созывать особые чрезвычайные съѣзды изъ представителей отъ кочевыхъ и осѣдлыхъ волостей разныхъ уѣздовъ и даже областей, наиболѣе тѣсно связанныхъ въ земельномъ отношеніи. Съѣзды эти, взвѣшивая интересы обѣихъ сторонъ, устанавливали въ результатѣ своихъ работъ поименные списки лѣтовочныхъ урочищъ, предоставляемыхъ по каждой осѣдлой или полуосѣдлой волости свободному пользованію *всѣхъ вообще киргизовъ*, какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ. Здѣсь впервые опредѣленно разграничивались *общія лѣтовки* отъ принадлежащихъ исключительно однимъ осѣдлымъ *призимовочныхъ* пространствъ, занятыхъ постоянными угодьями осѣдлыхъ: пашнями, сѣнокосами и зимними пастбищами около землянокъ или зимовокъ.

Обѣ стороны, и кочующіе, и осѣдлые, при этомъ давали торжественнное обѣщаніе сохранять неприкосновенность установленныхъ границъ: кочующіе обязывались останавливаться и пасти только на указанныхъ въ спискахъ урочищахъ, не пуская скота на постоянныя угодія, а осѣдлые въ свою очередь обѣщали не захватывать лѣтовокъ подъ эти угодія.

Однако, наиболѣе дальновидные и предусмотрительные кочевники, какъ, напр., извѣстный въ Тургайской и Уральской областяхъ Мурзагулъ Чимановъ,*) уже заранѣе предвидѣли, что изъ такихъ взаимныхъ обѣщаній никакого толку не получится, разъ у одной стороны, и именно, у осѣдлыхъ, есть всегда прямая выгода ихъ нарушить.

Чтобы устранить «разъ навсегда» антагонизмъ между кочующими и осѣдлыми, предотвратить неравномѣрность обезпеченія пахотными и сѣнокосными угодіями у осѣдлыхъ разныхъ волостей, Чимановъ, на межобластномъ съѣздѣ 1882 г., по Акмолинскому уѣзду, предложилъ свой, къ сожалѣнію, невыполнимый, но въ высшей степени оригинальный и характерный проектъ, являвшійся послѣдней попыткой примирить на справедливыхъ и безобидныхъ началахъ два хозяйственныхъ уклада: старый—кочевой и новый—осѣдлый.

Въ этомъ отвергнутомъ большинствомъ съѣзда проектѣ Чимановъ хотѣлъ реставрировать, въ новой формѣ, традиціонное кочевые *маидаи* **) такимъ образомъ, чтобы каждой кир-

---

*) Личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Авторъ обязанъ ему весьма многими указаніями и свѣдѣніями.

**) См. II. главу.

гизской волости была отведена сплошная узкая полоса земли отъ Урала до Аральскаго и Каспійскаго моря. На югѣ этой полосы богатые киргизы данной волости, какъ думалъ Чимановъ, будутъ зимовать со своими многочисленными стадами, а на сѣверѣ болѣе бѣдные киргизы будутъ жить осѣдло, пахать и косить, проводя лѣто вмѣстѣ съ остальной кочующей частью своей волости.

Будучи совершенно правъ и послѣдователенъ съ идейной, юридической точки зрѣнія, вполнѣ отвѣчавшей стариннымъ киргизскимъ понятіямъ объ основахъ землепользованія, Чимановъ упускалъ изъ виду только одно обстоятельство, чисто практическаго характера: при осуществленіи его проекта всю степь пришлось бы изрѣзать на такія узкія полосы, на которыхъ осѣдлое хозяйство оказалось бы крайне затруднительнымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, при чемъ и лѣтовки оказались бы разбитыми на множество мелкихъ кусковъ,—что вызвало бы тѣ же недоразумѣнія между осѣдлыми и кочевниками, какія наблюдаются и сейчасъ.

Но для насъ важно въ этомъ проектѣ, именно то, что онъ весь былъ проникнутъ признаніемъ принципа, что настоящимъ владѣльцемъ и распорядителемъ всѣхъ киргизскихъ земель, является, по довѣрію государства, весь киргизскій народъ, а не отдѣльные уѣзды, волости и аулы, и потому всякія серьезныя измѣненія въ степныхъ земельныхъ порядкахъ должны происходить съ вѣдома и согласія, если не всего народа, то по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ волостей, которыя связаны между собою въ отношеніи и землепользованія.

Фактическимъ осуществленіемъ этого безспорнаго и справедливаго принципа и были постановленія указанныхъ выше межобластныхъ чрезвычайныхъ съѣздовъ, которые только одни могли явиться высшимъ, компетентнымъ и авторитетнымъ судьей и посредникомъ въ дѣлѣ примиренія интересовъ осѣдлыхъ и кочующихъ и установленія между ними терпимаго порядка жизни. Очевидно, только такіе же новые съѣзды могли устанавливать дальнѣйшія измѣненія въ границахъ общихъ лѣтовокъ и вообще въ назначеніи земель того или иного рода.

Къ сожалѣнію, эта простая истина оказалась почти совершенно забытой и со стороны администраціи и со стороны осѣдлыхъ киргизовъ, а землеотводному вѣдомству она и совсѣмъ никогда не была извѣстна.

Это и отразилось въ сильной степени на всей послѣдующей судьбѣ общихъ лѣтовокъ, до сихъ поръ продолжающихъ служить яблокомъ раздора между осѣдлыми и кочевыми киргизами.

VI.

Дѣйствительно, осѣдлые вскорѣ послѣ межобластныхъ съѣздовъ, не обращая никакого вниманія на ихъ списки и постановленія, снова начали попрежнему захватывать постоянными угодьями лучшія части сосѣднихъ лѣтовокъ, распоряжаясь ими по своему усмотрѣнію, какъ единоличные хозяева.

Борьба разгорѣлась съ новой силою и съ большимъ, чѣмъ прежде, ожесточеніемъ, такъ какъ кочевники, теряя одно урочище за другимъ, начали чувствовать со дня на день все большія и большія стѣсненія и обиды со стороны осѣдлыхъ, пріобрѣвшихъ себѣ могущественнаго союзника въ лицѣ областной и уѣздной бюрократіи, которая совершенно утратила въ концѣ концовъ пониманіе того, что десятками лѣтъ происходитъ на ея глазахъ.

Чтобы дать читателямъ болѣе или менѣе ясное представленіе объ этой стадіи борьбы кочующихъ за лѣтовки, мы, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, раскажемъ типичную исторію одного лѣтовочнаго урочища въ Актюбинскомъ уѣздѣ *).

При образованіи русскаго города Актюбинска, въ 1887 г., были отобраны земли у 64 кибитокъ ханскихъ потомковъ—«султановъ». Уйсылкаринская осѣдлая волость по своему волостному приговору отвела этимъ султанамъ мѣста для зимовокъ и постоянныхъ угодій изъ земель установленной межобластнымъ съѣздомъ 1882 г. общей лѣтовки *Чійли*, совсѣмъ не пожелавши справиться съ мнѣніемъ заинтересованныхъ въ этихъ земляхъ кочевниковъ трехъ областей: Тургайской, Уральской и Закаспійской.

Въ виду такого неправильнаго и незаконнаго присвоенія себѣ *одной* волостью права распоряжаться общими лѣтовками, упомянутый выше Мурзаилъ Чимановъ, какъ представитель кочевниковъ Иргизскаго уѣзда, подалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ, который и приказалъ передать дѣло на новый межобластной съѣздъ. Но самъ жалобщикъ, возбудивши противъ себя тургайскую администрацію, былъ какимъ-то упрощеннымъ порядкомъ приговоренъ къ 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за то, что онъ *самовольно* продолжалъ попрежнему лѣтовать на Чійли: на вполнѣ законный протестъ Чиманова администрація глядѣла уже, какъ на своеволіе и кляузничество **).

Созданный въ 1892 г. по распоряженію министра меж-

*) Копіи съ документовъ доставлены намъ Чимановымъ.

**) Впослѣдствіи, сдѣлавши очень удачный «ходъ» подъ вице-губернатора Бельгардта и поставивъ бюрократію въ затруднительное положеніе, Чимановъ былъ амнистированъ и теперь служитъ волостнымъ управителемъ.

областной съѣздъ носилъ очень бурный характеръ. Всѣ выборные другихъ уѣздовъ, кромѣ Актюбинскаго, числомъ 47, или совсѣмъ не соглашались отводить 64 султанскимъ хозяйствамъ землю изъ лѣтовокъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, предлагали имъ значительно меньшую площадь, находя ранѣе проектированный по волостному приговору надѣлъ чрезмѣрно большимъ. Въ этомъ смыслѣ 47 выборныхъ и сдѣлали свое постановленіе, тогда какъ 20 выборныхъ Актюбинскаго уѣзда подтвердили приговоръ Уйсылкаринской волости. Предсѣдатель съѣзда, чиновникъ Цервицкій, тянулъ явно на сторону осѣдлыхъ. Онъ написалъ, что постановленіе большинства съѣзда состоялось *безъ его участія*, какъ предсѣдателя, и потому было незаконно. Тургайское областное правленіе, по представленію Цервицкаго, утвердило постановленіе меньшинства съѣзда, рѣшавшее судьбу Чійли не въ пользу кочевниковъ, а въ пользу султановъ.

А черезъ 11 лѣтъ послѣ того произошелъ слѣдующій характерный инцидентъ. Въ 1903 году, № 6 аулъ Уйсылкаринской волости, образовавшійся изъ поселенныхъ на Чійли 64 султанскихъ кибитокъ, сдалъ часть своего надѣла (около 5000 дес.) въ аренду молоканамъ, чѣмъ и доказалъ справедливость утвержденія 47 участниковъ съѣзда 1892 г., что земля султанамъ была отведена слишкомъ щедро.

Эта сдача земли на Чійли молоканамъ окончательно заперла кочевникамъ Иргизскаго и Темирскаго уѣзда доступъ на многія лѣтовки, лежащія западнѣе Чійли. Сосѣдняя Эмбо-Темирская волость, Темирск. у., которая за послѣднее время была страшно обездолена возмутительно безцѣльнымъ отобраніемъ долинъ и овраговъ въ Муюджарскихъ горахъ яко бы *подъ лѣсныя дачи*, хотя въ иномъ оврагѣ растетъ всего на всего какихъ-нибудь два-три ни на что негодныхъ кустика,— подала *Тургайскому* *) губернатору жалобу съ просьбой отмѣнить аренду Чійли молоканами. Возникла переписка между двумя губернаторами Тургайскимъ и Уральскимъ, тянувшаяся болѣе 3-хъ лѣтъ, до весны 1906 г. Насколько намъ извѣстно, Уральскій губернаторъ приказалъ объявить просителямъ, что ввязываться въ земельныя дѣла и распри сосѣдней области не ихъ дѣло: у нихъ есть *своя земля*, которой они и могутъ безпрепятственно пользоваться!

Закончится исторія спорной лѣтовки Чійли, вѣроятно, тѣмъ, что Тургайская временная партія образуетъ на ней переселенческій участокъ и тѣмъ самымъ разомъ разрубитъ гордіевъ узелъ.

---

*) Волость сама принадлежитъ къ Уральской области. О лѣсныхъ дачахъ см. ниже, XI гл.

Но уже и теперь судьба этого урочища весьма типична и поучительна: предоставленное свободному пользованію *всѣхъ* киргизовъ по постановленію выборныхъ отъ *трехъ областей*, оно было отведено *64 хозяевамъ* по приговору *одной* только волости, подкрѣпленному согласіемъ 20 выборныхъ *одного* уѣзда, вопреки постановленію 47 выборныхъ *отъ нѣсколькихъ* уѣздовъ, а затѣмъ было сдано въ аренду уже *русскимъ* по иниціативѣ *одного аула*, можетъ быть, даже какихъ-нибудь *отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ* изъ его среды!

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ массѣ другихъ, о которыхъ мы говорить не будемъ, администрація, утверждая явно неправильное постановленіе съѣзда, а затѣмъ и аренду Чійли, стала недвусмысленно на сторону осѣдлыхъ противъ кочевниковъ, поощряя тѣмъ самымъ то незаконное расхищеніе общихъ лѣтовокъ, какое по Тургайской области произведено въ ужасающихъ размѣрахъ.

Кстати сказать, и сдача спорной лѣтовочной земли въ аренду русскимъ весьма распространенный и излюбленный пріемъ осѣдлыхъ, желающихъ этимъ путемъ отдѣлаться отъ притязаній кочевниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извлечь изъ спорнаго участка хоть какую-нибудь выгоду *для себя*.

Казбецкая волость, Темирскаго уѣзда, сдала осенью 1904 г. въ аренду русскимъ то самое лѣтовочное мѣсто по р. Джикенды, гдѣ кочевники массами останавливались во время Уильской ярмарки, и теперь положеніе кочевниковъ оказалось прямо безвыходнымъ: чтобы пройти дальше на сѣверныя лѣтовки, имъ приходится дѣлать за дневной переходъ—«кошъ»—до 40 верстъ (обычный «кошъ»=15 верстамъ), останавливаться верстъ за 10 отъ воды, подвозя ее въ турсукахъ (мѣшки изъ кожи), стоять на мѣстѣ всего только по нѣсколько часовъ, такъ какъ осѣдлые гонять безъ церемоній прочь. «Мертваго и то не дадутъ похоронить приходится съ собой везти!» жалуются кочевники.

Въ разговорѣ съ Казбецкими аксакалами, мы поинтересовались, зачѣмъ они сдали Джикенды русскимъ.

Отвѣтъ былъ довольно откровенный: «Сдали изъ-за выгоды: получили 500 рублей на общественныя надобности. А отъ кочевниковъ какая польза? Отъ нихъ одинъ вредъ: хлѣбъ и сѣнокосы травятъ, скотъ воруютъ». И такъ вездѣ, всегда и во всемъ.

Только впослѣдствіи, когда арендованныя земли въ видѣ общаго правила оказываются изъятыми въ качествѣ несомнѣнныхъ «излишковъ» для мѣстнаго населенія подъ переселенческіе участки, осѣдлые убѣждаются въ существованіи и оборотной стороны медали, но уже поздно.

Въ общемъ за послѣдніе 15—20 лѣтъ дѣло сложилось такъ неблагопріятно для кочевниковъ, что они, не встрѣчая ниоткуда поддержки, должны были шагъ за шагомъ отступать передъ дружнымъ натискомъ осѣдлыхъ. «Осѣдлые выгнали насъ сначала изъ рѣчекъ въ овраги, потомъ изъ овраговъ—въ лощины, а оттуда—прямо на вершины горъ!» резюмируетъ этотъ послѣдовательный процесъ борьбы одинъ изъ адайскихъ аксакаловъ.

Новые межобластные съѣзды, работавшіе сплошь и рядомъ совершенно неправильно подъ давленіемъ пристрастной къ осѣдлымъ администраціи, не достигали цѣли, не удовлетворяя ни осѣдлыхъ киргизовъ, которые желали бы совсѣмъ и навсегда отдѣлаться отъ лѣтнихъ непрошенныхъ и безпокойныхъ гостей—кочевниковъ, близко не допуская ихъ къ себѣ, ни самихъ кочевниковъ, которые никакъ не могутъ добиться возстановленія полностью списковъ общихъ лѣтовокъ по постановленіямъ первыхъ межобластныхъ съѣздовъ.

Столкновенія, ссоры, драки даже убійства—довольно заурядное обыденное явленіе во взаимныхъ отношеніяхъ кочевниковъ и осѣдлыхъ на почвѣ обоюднаго непониманія и озлобленія.

Каждую стоянку, каждую переправу или водопой кочевникамъ приходится брать съ бою, когда они сильнѣе, или путемъ униженныхъ просьбъ, угощеній и подарковъ мѣстнымъ киргизскимъ властямъ и старикамъ заправиламъ *). Чѣмъ сѣвернѣе лѣтовка, тѣмъ меньше доходитъ туда кочевниковъ, и тѣмъ съ большей настоятельностью приходится имъ держаться принципа: «тише воды, ниже травы».

Вліяніе меркантильнаго, узко матеріалистическаго духа времени сказывается здѣсь съ замѣчательной рельефностью. Кочевники должны «откупаться» отъ осѣдлыхъ во время пути до лѣтовки и обратно, а на лѣтовкѣ они могутъ стоять спокойно и безпрепятственно только въ томъ случаѣ, если сумѣютъ завязать съ мѣстными жителями какія-либо постоянныя, выгодныя для сѣверянъ отношенія. Приходится отдавать своихъ дочерей замужъ за сыновей осѣдлыхъ, назначая са-

*) «Платимъ за землю въ три мѣста: русскому царю—подати, лѣтомъ осѣдлымъ за лѣтовки, а зимой хивинскому хану за пастбища, когда стоимъ по Аму-Дарьѣ, около Кунграда. Платимъ за землю больше всѣхъ, потому что меньше всѣхъ ею обезпечены», говоритъ аксакалъ кочующей Кошкаратинской волости, Темирск. у. «Какъ только перейдемъ за р. Эмбу, такъ начинаемъ чувствовать себя, какъ въ непріятельской странѣ», горюютъ адайцы. «Вездѣ за нами наблюдаютъ посты и дозоры, отовсюду гонятъ, нигдѣ намъ не рады, вездѣ мы лишеніе». Вотъ тебѣ и «безграничный просторъ!»

мый скромный «калымъ» (плата за невѣсту *), давать осѣдлымъ деньги взаймы для торговли, кошмы (войлокъ) на подержаніе, лошадей на прокатъ, овецъ и коровъ для шерсти и молока, и, наконецъ, быковъ для работы. Послѣдній типъ сдѣлки особенно интересенъ: за работу пары быковъ въ теченіе лѣта осѣдлый даетъ кочевнику извѣстную площадь засѣяннаго своими сѣменами проса. Кочевникъ убираетъ это просо самъ, прикупаетъ еще муки, и навьючивши верблюдовъ, отправляется на югъ зимовать **).

И вообще, надо сказать, *хозяйственно-экономическія* соображенія играютъ весьма важную роль въ числѣ причинъ, заставляющихъ кочевниковъ добиваться для себя доступа на сѣверъ. Богатые идутъ туда для того, чтобы на хорошихъ сѣверныхъ ковыльныхъ степяхъ нагулять скотъ и продать его на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Средніе и бѣдные—идутъ просто на работу, чтобы такъ или иначе добыть хлѣба и денегъ: путемъ ли отдачи въ аренду (маинъ) быковъ или же въ формѣ непосредственнаго личнаго заработка. Всѣ кочевники заинтересованы въ болѣе дешевомъ пріобрѣтеніи на сѣверѣ, помимо хлѣба, и остальныхъ предметовъ первой необходимости: чаю, сахару, посуды, одежды, кибиточныхъ рѣшетокъ, сбруи и проч.

«Базаръ» и «Ярмарка», благодаря измѣнившимся условіямъ и потребностямъ жизни, настолько глубоко вѣлись даже въ хозяйство чистыхъ кочевниковъ и настолько прочно связали его съ капиталистическимъ міровымъ рынкомъ, что порвать эту связь ужс совершенно немыслимо.

Поэтому, хотя кочевники, сплошь и рядомъ, въ объясненіе своего кочеванія на сѣверъ все еще ссылаются на прежній, прадѣдовскій обычай, но фактическое содержаніе современнаго кочеванія и въ хозяйственно-экономическомъ смыслѣ представляетъ уже значительную и существенную разницу противъ того, что было прежде.

Начиная за послѣдніе годы, подъ давленіемъ все увеличивающейся трудности продолжать кочеваніе, мечтать объ осѣдлой жизни, передовые кочевники совсѣмъ не имѣютъ въ виду жить у себя въ южныхъ пустыняхъ ***), что обозначало бы для

---

*) Для небогатыхъ киргизовъ «калымъ» вещь разорительная.

**) Этотъ обратный путь осенью начинается около 15 сентября, т. е. когда начинаются уже холода. «А какъ вы везете дѣтей? вѣдь имъ холодно?» спросили однажды мы у кочевника. «Очень просто», добродушно отвѣчалъ сынъ степи. «Завертываемъ въ кошмы, навьючиваемъ на верблюда и веземъ: который умретъ, дорогой бросаемъ, а который не умретъ, тотъ намъ остается!» (Ульгёнынъ тастаймызъ, ульмегены бзгэ калады!).

***) Вопросъ о возможности для кочевниковъ жить у себя на югѣ круглый годъ, безъ кочеванія на сѣверъ, въ виду отсутствія

нихъ серьезный шагъ назадъ въ культурномъ отношеніи, а хотятъ устроиться такъ-же, какъ осѣдлые, т. е. имѣть возможность, помимо скотоводства, заниматься земледѣліемъ и всякими заработками и промыслами, столь распространенными въ сѣверныхъ осѣдлыхъ волостяхъ, являющихся въ степи передовыми, какъ въ отношеніи большей устойчивости и раціональности хозяйства, такъ и со стороны сознательности и предпріимчивости населенія.

Такое стремленіе къ осѣданію на сѣверѣ у значительной части кочевниковъ теперь уже неоспоримый фактъ, но ему препятствуетъ отсутствіе достаточнаго количества необходимыхъ для того пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій. Все, что было наиболѣе цѣннаго въ этомъ отношеніи, а именно: долины рѣкъ и рѣчекъ, сплошь захвачено осѣдлыми. Этого мало. Захватывая самыя лучшія части пока еще сохранившихся общихъ лѣтовокъ, осѣдлые весьма неохотно позволяютъ кочевникамъ дѣлать то же самое, а чаще совсѣмъ не позволяютъ. Только сравнительно немногимъ кочевникамъ удается устроиться этимъ путемъ или путемъ перечисленія, по увольнительнымъ и пріемнымъ приговорамъ, изъ кочевыхъ волостей въ осѣдлыя.

Большинство же обѣднѣвшихъ кочевниковъ, этихъ щепъ отъ разбиваемаго волнами историческихъ условій кочевого корабля, не имѣя возможности ни кочевать, ни приписаться къ осѣдлымъ, перебиваются среди населенія сѣверныхъ волостей въ качествѣ безправныхъ «гостей» (кунакъ). Эти гости—кунаки—живутъ около осѣдлыхъ «изъ милости». Пахать землю или косить сѣно самостоятельно они не могутъ; имъ даже и въ аренду никто не сдаетъ ни пашенъ, ни сѣнокосовъ. Хлѣбъ и сѣно они принуждены добывать посредствомъ сотрудничества съ отдѣльными хозяевами изъ мѣстныхъ жителей: пашня—супрягой, сѣнокосъ—изъ части вмѣстѣ накошеннаго и убраннаго сѣна. «Пока угождаешь всѣмъ, жить можно», опредѣляютъ кунаки основную черту своего положенія. Ихъ единственная и завѣтная мечта въ большинствѣ случаевъ — это возможность получить *свой* земельный надѣлъ, гдѣ бы можно было вести осѣдлое хозяйство, не завися ни отъ произвола, ни отъ великодушія другихъ.

Но, увы! правительственныя временныя партіи, отводящія милльоны киргизскихъ «излишнихъ земель» подъ переселенческіе участки, до сихъ поръ не устроили въ земельномъ отношеніи ни одного изъ бьющихся въ многоземельной степи, какъ рыба объ ледъ, многочисленныхъ *безземельныхъ* туземцевъ.

какихъ бы то ни было научныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, пока остается открытымъ, но кочевники всѣ въ одинъ голосъ рѣшаютъ его отрицательно: корма плохіе, лѣтомъ воды нѣтъ, жара, насѣкомые и проч.

VII.

Единственнымъ настоящимъ закономъ, опредѣляющимъ степныя земельныя отношенія, является «Степное положеніе 1891 г.».

Статья 119 этого закона гласитъ:

«Земли, занимаемыя кочевьями, и всѣ принадлежности сихъ земель, а въ томъ числѣ и лѣса, признаются (sic) государственной собственностью».

Мы уже говорили, что спорить противъ редакціи этой статьи и поздно, и безполезно, такъ какъ суть дѣла, подъ которой мы подразумѣваемъ конкретныя земельныя нужды живыхъ, конкретныхъ киргизовъ, отъ этого нисколько не измѣняется.

Нѣтъ необходимости возражать по существу и противъ текста слѣдующей 120 ст. положенія:

«Земли, занимаемыя кочевьями, оставляются въ безсрочномъ общественномъ пользованіи кочевниковъ на основаніи обычаевъ и правилъ сего положенія».

Здѣсь, можетъ быть, не лишнее будетъ замѣтить только, что въ настоящее время, какъ мы уже видѣли, далеко не всѣ киргизы — «кочевники» и не всѣ киргизскія земли заняты «кочевьями».

Зато въ высшей степени важнымъ во всѣхъ отношеніяхъ является правильное пониманіе точнаго смысла примѣчанія 1-го, помѣщеннаго подъ этой статьей:

«Земли, могущія оказаться излишними для кочевниковъ, поступаютъ въ вѣдѣніе министерства Государственныхъ имуществъ».

На этомъ примѣчаніи построено все сложное зданіе степной колонизаціи, на немъ и ея законъ, и ея пророки висятъ.

Поэтому, если въ пониманіе этого коротенькаго примѣчанія вкралась какая-либо серьезная, коренная ошибка, вся колонизаціонная политика правительства въ степи можетъ оказаться лишенной всякаго юридическаго основанія, всякаго фундамента, и потому должна будетъ рухнуть, какъ евангельскій домъ, построенный на пескѣ.

Первое оффиціальное изданіе Степного положенія было сдѣлано земскимъ отдѣломъ м. в. д. въ 1891 г., въ самый годъ изданія закона, и тамъ, въ пособіе къ пониманію истиннаго смысла 1 примѣч. къ ст. 120, помѣщено слѣдующее разъясненіе Государственнаго Совѣта:

«Въ основаніе постановленій, опредѣляющихъ поземельное устройство кочевого населенія степныхъ областей (ст. 119—

130), положено то общее начало, что всѣ земли, занимаемыя кочевьями, признаются государственной собственностью и предоставляются кочевникамъ лишь въ безсрочное общественное пользованіе, при чемъ могущій оказаться для нихъ излишекъ поступаетъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ (прим. 1 къ ст. 120). Этимъ путемъ ограждаются въ будущемъ (sic!) права государства на всю обширную территорію степныхъ областей, безъ стѣсненія въ то же время кочующихъ инородцевъ.

«При сужденіяхъ по сему предмету въ Государственномъ Совѣтѣ возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли, подчинивъ все дѣло поземельнаго устройства кочевого населенія органамъ министерства государственныхъ имуществъ, опредѣлить ближе то количество земли, которое имѣетъ быть въ настоящее время уступлено въ пользованіе кочевниковъ, сообразно ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ и тѣмъ самымъ выяснить излишекъ, который долженъ поступить въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ.

«Находя это предложеніе въ существѣ *вполнѣ основательнымъ**), Государственный Совѣтъ усмотрѣлъ, однако, что къ приведенію его въ исполненіе встрѣчаются въ настоящее время почти непреодолимыя затрудненія. При неопредѣленности характера передвиженія кочевыхъ инородцевъ, переходящихъ не только изъ предѣловъ одной области въ другую, но и выкочевывающихъ иногда даже и за границы русскихъ владѣній, и при неточной еще до сихъ поръ (!) извѣстности самаго пространства степныхъ областей, въ которыхъ до сего времени не приступлено къ межевымъ работамъ, включеніе въ законъ какихъ-либо точно опредѣленныхъ указаній отвода для кочевья туземцевъ земельныхъ угодій представляется невозможнымъ.

«Признавая за симъ безспорнымъ, что надзоръ за поземельнымъ устройствомъ кочевниковъ *долженъ* принадлежать министерству государственныхъ имуществъ, Государственный Совѣтъ замѣтилъ, что надзоръ этотъ не можетъ въ настоящее время осуществиться за отсутствіемъ въ степномъ краѣ необходимыхъ для того органовъ названнаго министерства. *Поэтому лишь въ будущемъ, съ учрежденіемъ означенныхъ органовъ, по мѣрѣ развитія ихъ дѣятельности, и съ завершеніемъ въ областяхъ межевого дѣла, получатся тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ можно будетъ приступить къ окончательному разрѣшенію возбужденныхъ вопросовъ.*

«Въ настоящее же время, по необходимости, приходится

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

ограничиться тѣми *общими опредѣленіями* поземельныхъ правъ казны и киргизовъ, которыя изложены въ ст. 119 и 120 положенія».

Такъ понимало эти двѣ основныхъ статьи закона создавшее его законодательное учрежденіе. Слѣдовательно, практика правительственыхъ учрежденій, примѣняющихъ къ жизни степное положеніе, никакихъ отступленій отъ этого пониманія дѣлать не могла и не имѣла права.

Попробуемъ же исчерпать въ высшей степени цѣнное содержаніе только что приведеннаго нами разъясненія Государственнаго Совѣта.

Прежде всего здѣсь признается безспорнымъ, что надзоръ за поземельнымъ устройствомъ киргизовъ долженъ принадлежать спеціальнымъ органамъ бывшаго министерства государственныхъ имуществъ, а нынѣ—главнаго управленія землеустройства и земледѣлія.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ и даже не предполагается. Сейчасъ, какъ и 16 лѣтъ тому назадъ, все сложное, требующее спеціальныхъ силъ и средствъ дѣло урегулированія степныхъ земельныхъ отношеній находится въ рукахъ ультра-бюрократическихъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, совершенно безпомощныхъ въ своемъ всемогуществѣ. А органы землеустроительнаго вѣдомства въ видѣ временныхъ партій по образованію переселенческихъ участковъ изъ киргизскихъ излишнихъ земель не только не обязаны, но даже и не имѣютъ права, хотя бы попутно, заниматься какими бы то ни было работами землеустроительнаго характера: прямая цѣль этихъ партій—«изъятіе излишковъ», а какъ живетъ мѣстное коренное безземельное и малоземельное населеніе, въ чемъ оно нуждается и чѣмъ помочь ему,—это не ихъ дѣло!

Но что всего интереснѣе, такъ это то, что въ правящихъ сферахъ за послѣдніе три года наблюдается тенденція не въ томъ направленіи, чтобы замѣнить временныя землеотводныя партіи въ степи постоянными землеустроительными учрежденіями, какъ это было предуказано Государственнымъ Совѣтомъ,—и какъ разъ въ обратномъ, именно, въ направленіи усиленія землеотводнаго дѣла при полномъ игнорированіи интересовъ и земельныхъ нуждъ мѣстнаго населенія! По крайней мѣрѣ, не далѣе, какъ зимой 1903-1904 гг., при Плеве, въ Петербургѣ разсматривался вопросъ о передачѣ всего дѣла по образованію переселенческихъ участковъ въ степи цѣликомъ въ руки министерства внутреннихъ дѣлъ. Цѣль—согласованіе колонизаціонной политики съ видами и намѣреніями правительства вообще и въ частности устраненіе разногласій между

землеотводными партіями, заинтересованными по долгу службы въ скорѣйшемъ отобраніи у киргизовъ возможно большаго количества земель, и представителями мѣстной администраціи, старавшимися во многихъ случаяхъ, такъ или иначе, отстаивать интересы самихъ киргизовъ*). «Устраненіе разногласій», «объединеніе всего дѣла въ рукахъ одного вѣдомства» можетъ при такихъ условіяхъ обозначать только большую возможность не обращать вниманія на протесты обиженнаго отобраніемъ земель мѣстнаго населенія, такъ какъ жалобы тогда придется разсматривать тѣмъ же учрежденіямъ, которыя эти жалобы вызываютъ. Такое положеніе вещей имѣло, конечно, въ виду и совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, когда оно, платонически признавъ «необходимость ускоренія поземельнаго устройства кочевого населенія» 3 іюня 1905 г., практически высказывалось за «подчиненіе переселенія ближайшему руководству правительственной власти». И такой порядокъ, въ скрытомъ видѣ, дѣйствительно осуществленъ за послѣднее время послѣ того, какъ степныя землеотводныя партіи были перечислены въ вѣдомство главнаго переселенческаго управленія, которое, для видимости, въ свою очередь предварительно было отчислено отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и наскоро приткнуто къ главному управленію землеустройства: теперь большихъ разногласій и между вѣдомствами на мѣстахъ ожидать нельзя, хотя киргизы именно теперь сильнѣе, дружнѣе и сознательнѣе, чѣмъ когда бы то нибыло, протестуютъ противъ продолженія землеотводныхъ работъ изъ ихъ земель**).

Наиболѣе основательную поддержку этотъ протестъ киргизовъ встрѣтилъ въ постановленіи Темирскаго (ур. обл.) уѣзднаго съѣзда крестьянскихъ начальниковъ отъ 20 августа 1905 г., гдѣ дана опредѣленная мотивировка въ томъ смыслѣ, что органы администраціи, не располагая никакими объективными данными, матеріалами и средствами, не въ состояніи хоть сколько-нибудь сносно справиться съ сложной и трудной задачей урегулированія землепользованія и уравненія земельнаго обезпеченія киргизскаго населенія: эта задача подъ силу только основательно и продуманно организованнымъ спеціальнымъ землеустроительнымъ учрежденіямъ, при чемъ существующія временныя партіи съѣздъ признаетъ совершенно неудовлетворительными принципіально, такъ какъ исключительной своей задачей эти партіи ставятъ землеотводныя, а не землеустроительныя цѣли.

---

*) См. характерный «выводъ» г. Кауфмана: «Переселеніе и колониз.», стр. 233—234.

**) Объ этомъ подробнѣе въ гл. XIV—XVI.

Противъ разумности и справедливости такого взгляда спорить не приходится, а онъ является лишь развитіемъ безспорнаго тезиса Государственнаго Совѣта о необходимости подчинить надзоръ за каргизскими земельными отношеніями спеціальнымъ органамъ землеустроительнаго характера, тезиса, не только полностью забытаго, но и кореннымъ образомъ извращеннаго въ современной степной колонизаціонной политикѣ правительства.

Затѣмъ, Государственной Совѣтъ, употребляя выраженія «*до сего времени* не приступлено къ межевымъ работамъ» и «при неточной еще *до сихъ поръ* извѣстности самаго пространства степныхъ областей», очевидно, не менѣе безспорнымъ считалъ и вопросъ относительно необходимости произвести размежеваніе всей степи.

По первой статьѣ межевыхъ законовъ межеваніе имѣетъ двѣ основныхъ цѣли: 1) «привести въ извѣстность количество земель и угодій, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ частности казнѣ принадлежащихъ, и 2) утвердить спокойствіе владѣльцевъ постановленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія».

Приведены ли въ извѣстность земли киргизской степи? знаютъ ли о количествѣ земель и угодій въ степи тѣ учрежденія, въ чьихъ рукахъ находится до сихъ поръ весь «надзоръ за поземельнымъ устройствомъ кочевого населенія?»

Мы едва ли кого удивимъ, если скажемъ, что на эти вопросы пока можетъ быть данъ только категорически отрицательный отвѣтъ.

Чтобы судить о характерѣ и достовѣрности имѣющихся въ распоряженіи областной администраціи свѣдѣній по земельному вопросу, мы приведемъ слѣдующій фактъ. Уральское областное правленіе нанесло на карту границы волостей и вычислило количество земли на единицу у населенія по каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ, по Самматаевской волости, Темирскаго уѣзда, было установлено, что на квадратную версту тамъ приходится 0,5 души населенія. Между тѣмъ, по строго провѣренному опросу киргизовъ нѣсколькихъ волостей, автору удалось установить, что Самматаевская волость совсѣмъ не примыкаетъ къ Аральскому морю, вопреки показаніямъ оффиціальной карты, и лежитъ не восточнѣе, а западнѣе сосѣдней Донгузтау-аккулькинской волости!

Административные участки крестьянскихъ начальниковъ были распредѣлены по картѣ и только теперь открылось, что въ натурѣ получилась черезполосица: Самматаевская волость 3-го участка, а лежитъ среди волостей 4-го уч., а Дангузтау-аккулкинская, наоборотъ, среди земель чужого, 3-го участка.

3 адаевскихъ волости Темирскаго уѣзда числятся совсѣмъ «не имѣющими надѣловъ», хотя живутъ точь въ точь такъ-же, какъ надѣленные по картѣ номинальными надѣлами 3 кочевыхъ табынскихъ волости.

И вообще о формахъ землепользованія, размѣрахъ используемыхъ площадей и изъ растительной производительности для южныхъ уѣздовъ и областей, числящихся за киргизами кочевниками, у администраціи не имѣется совершенно никакихъ свѣдѣній, а то, что есть, настолько фантастично и туманно, что ни у кого не хватитъ смѣлости назвать такія свѣдѣнія и данныя «результатомъ приведенія киргизскихъ земель въ извѣстность.»

Съ другой стороны, утверждено ли въ степи спокойствіе владѣльцевъ установленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія?

Вопросъ наивный послѣ того, какъ мы уже выяснили, что, наоборотъ, при наличности повсемѣстныхъ споровъ изъ-за границъ пользованія, все, что ни дѣлалось въ степи до сихъ поръ казенными учрежденіями въ направленіи къ якобы урегулированію земельныхъ отношеній туземнаго населенія, вело какъ разъ къ усиленію степной земельной неурядицы, поставившей отдѣльныя группы киргизовъ въ крайне печальное почти безвыходное положеніе ужъ совсѣмъ не располагающее къ спокойствію.

Но если количество и качество всѣхъ вообще земель въ киргизской степи никому неизвѣстно, если спокойствіе владѣльцевъ не утверждено, а, наоборотъ, нарушено, то какимъ же образомъ правительство нашло возможнымъ использовать «земельные излишки» въ степи для колонизаціи и другихъ надобностей?

Принимая полностью 119 статью степн. положенія, т. е. считая, что киргизскія земли составляютъ *государственную* собственность, никто изъ насъ, однако, не допуститъ мысли, что государство, какъ *единственный* собственникъ и хозяинъ всей степи, можетъ въ одно прекрасное время прогнать всѣхъ киргизовъ съ *чужихъ* для нихъ земель. Напротивъ, изъ мотивовъ Государственнаго Совѣта ясно, что казна въ данномъ случаѣ является только *совладѣльцемъ* киргизовъ и что терминъ государственной собственности употребленъ въ текстѣ закона только для того, чтобы, отрицая за киргизами исключительное право на занимаемыя ими пространства степи, оградить права государства *въ будущемъ на излишнія* для мѣстнаго населенія земли.

А если это такъ, то разсматривая вопросъ юридически, мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ типомъ общаго владѣнія двухъ лицъ: одно лицо—это весь находящійся въ русскомъ подданствѣ кир-

гизскій народъ, другое лицо—государство. Пока не произведена окончательная разверстка земельныхъ правъ и интересовъ этихъ двухъ совладѣльцевъ посредствомъ правильнаго размежеванія, очевидно, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права безъ согласія другого отчуждать ни одной пяди земли изъ общаго владѣнія: въ разъясненіе 126 ст. степного положенія Государственный Совѣтъ такъ именно и говоритъ, что *имѣющіеся въ степи земельные излишки могутъ поступить въ распоряженіе государства не прежде, чѣмъ будутъ удовлетворены земельныя нужды всего мѣстнаго населенія.*

Размежеваніе между казной и киргизами не сдѣлано, киргизы лишены права отчуждать земли кому бы то ни было и даже въ правѣ сдачи этихъ земель въ аренду ограничены разными формальностями. Слѣдовательно, и другой совладѣлецъ, государство, казна, не имѣетъ никакого права селить на киргизскихъ земляхъ кого бы то ни было, кромѣ киргизовъ, до тѣхъ поръ, пока оно не получитъ возможности, утвердивши спокойствіе мѣстнаго населенія путемъ равномѣрнаго и справедливаго обезпеченія его землею, привести точно въ извѣстность тѣ земли, какія принадлежатъ къ ея единственному владѣнію.

Иначе говоря, въ настоящее время, когда еще совсѣмъ даже и не начато ни межеваніе степи, ни поземельное устройство киргизовъ, всякія работы по использованію якобы «излишнихъ киргизскихъ земель» лишены совершенно какого бы то ни было юридическаго основанія и потому являются сплошнымъ беззаконіемъ.

Что и требовалось доказать!

VIII.

И однако же, за 14 лѣтъ существованія временныхъ партій по образованію переселенческихъ участковъ въ степныхъ областяхъ, у киргизовъ фактически уже изъято около 3 съ половиной милліоновъ «излишнихъ земель».

Вѣроятно, многіе будутъ серьезно удивлены, узнавши, что все землеотводное дѣло, вся колонизація степи не имѣетъ въ основѣ своей никакого другого настоящаго, формальнаго закона, кромѣ разобраннаго нами *примѣчанія* къ ст. 120, которое, какъ мы могли убѣдиться, *требуетъ совершенно противоположной постановки дѣла*, а именно, межеванія и поземельнаго устройства степи *до колонизаціи*, но никакъ не послѣ нея!

Передъ нами лежитъ изящно изданная книжечка въ казен-

ной зеленой обложкѣ: въ ней собраны всѣ «узаконенія и распоряженія по образованію переселенческихъ участковъ» *).

Ни на одну статью степного положенія, которая могла бы послужить основаніемъ для всѣхъ этихъ «узаконеній и распоряженій», здѣсь ссылки не сдѣлано. Это, конечно, странно.

Еще болѣе странно то, что во всемъ сборникѣ нѣтъ ни одного узаконенія, которое было бы посвящено принципіальному разъясненію вопроса о томъ, на какихъ основаніяхъ должны опредѣляться и идти въ изъятіе киргизскія излишнія земли, а есть только въ одномъ мѣстѣ глухое упоминаніе о томъ, что *изъ казенныхъ земель* образуются переселенческіе участки, между прочимъ, и въ Омскомъ и Петропавловскомъ уѣздахъ, Акмолинской области, гдѣ, какъ извѣстно, кореннымъ населеніемъ являются киргизы.

Затѣмъ, всѣ эти узаконенія состоятъ изъ Высочайше утвержденныхъ *временныхъ правилъ*, изъ коихъ, конечно, ни одно не прошло въ законодательномъ порядкѣ черезъ Государственный Совѣтъ, а всѣ были выработаны такимъ, совсѣмъ ужъ не законодательнымъ учрежденіемъ, какъ нынѣ упраздненный комитетъ Сибирской желѣзной дороги!

Мы спеціально рылись во всѣхъ узаконеніяхъ, распоряженіяхъ и циркулярахъ, касающихся степной колонизаціи, но мы нигдѣ не нашли указанія или хотя бы намека на то, что ст. 120 степного положенія отмѣняется, измѣняется или разъясняется *по новому*, а не такъ, какъ она *законодательно* разъяснена самымъ Государственнымъ Совѣтомъ. Слѣдовательно, выходитъ какъ будто и такъ, что всѣ эти «узаконенія и распоряженія», являющіяся во всемъ, что касается степи, прямымъ и грубымъ нарушеніемъ Степного положенія,—нисколько ему не противорѣчатъ и основаны какъ разъ, именно, на пониманіи истиннаго духа и смысла его земельныхъ статей!

Надо быть типичнымъ русскимъ чиновникомъ, живущимъ въ затхлой атмосферѣ канцелярскаго формализма, общаго безправія и произвола, чтобы 14 лѣтъ подъ рядъ, изо дня въ день систематически дѣйствовать вопреки прямому смыслу закона и въ то же время думать, что исполняешь его самымъ точнѣйшимъ способомъ...

Около года тому назадъ, одинъ изъ отвѣтственныхъ мѣстныхъ дѣятелей по колонизаціи степи передавалъ намъ подъ большимъ секретомъ, что, представляя зимою 1903-1904 гг. штаты чиновниковъ и кредиты для вновь открывавшихся работъ по образованію переселенческихъ участковъ въ Уральской области на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ виду

*) Изд. м-ва землед. и гос. имуществъ, СПБ., 1903 г.

упраздненія Комитета Спб. желѣзн. дороги, до тѣхъ поръ вѣдавшаго дѣлами подобнаго рода,—главные заправилы дѣйствующей въ степи системы землеотводныхъ работъ весьма сильно опасались, какъ-бы, при обсужденіи даннаго частнаго вопроса, въ Совѣтѣ попутно не заговорили о томъ, на какомъ основаніи *вообще* отбираются киргизскія «излишнія земли», разъ не соблюдены необходимыя для того предварительныя условія: межеваніе степи и поземельное устройство всѣхъ туземцевъ? Одна постановка такого вопроса приводила будто бы столповъ колонизаціи степи въ ужасъ, такъ какъ къ тому времени они уже сами сознавали, что юридическаго основанія у этой колонизаціи и не было, и нѣтъ.

Все это очень похоже на правду.

Дѣло въ томъ, что настоящей цѣльной и планомѣрной *системы* въ работахъ по образованію переселенческихъ участковъ въ степныхъ областяхъ никогда не существовало. Все, что дѣлалось, дѣлалось на спѣхъ, на скорую руку, клочками, урывками, въ одномъ мѣстѣ такъ, въ другомъ иначе, а въ третьемъ и совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразно.

Временныя партіи для разныхъ районовъ степи учреждались постепенно: для сѣверныхъ уѣздовъ Акмолинской области въ 1863 г., для южныхъ 1896 г.; для Тургайской области—въ 1898 г., для Семипалатинской — въ 1900 г., для Уральской въ 1904 г. и для Семирѣченской—въ 1905 г.

Каждая партія организовалась второпяхъ, на ходу, изъ разнородныхъ и часто совершенно не пригодныхъ къ дѣлу элементовъ. На ходу-же вырабатывались и всякія «инструкціи», такъ какъ, кромѣ оклада содержанія, никто изъ состава партіи на первыхъ порахъ не зналъ ничего опредѣленнаго относительно своей предстоящей дѣятельности. Разсчитывать на болѣе или менѣе ясныя и опредѣленныя указанія изъ Петербурга, отъ центральныхъ учрежденій, также не приходилось: центральныя учрежденія сами имѣли весьма туманное и нерѣдко наивное представленіе о характерѣ, условіяхъ и задачахъ работъ въ киргизской степи. Но для всѣхъ былъ ясенъ и обязателенъ основной девизъ: *подешевле, поскорѣе и побольше участковъ*!

Неудивительно, поэтому, если въ такой суматохѣ, гдѣ каждый спѣшилъ, хлопоталъ и волновался только по поводу *своей*, частной задачи, *общій вопросъ* о томъ, при какихъ условіяхъ изъятіе киргизскихъ излишнихъ земель подъ переселенческіе участки можетъ быть признано законнымъ и справедливымъ, былъ оставленъ безъ разсмотрѣнія, забытъ или обойденъ.

Тѣмъ болѣе, что у каждаго передъ глазами былъ преце-

дентъ въ видѣ работъ предыдущихъ лѣтъ или ранѣе открытыхъ партій: у всякаго было сознаніе, что онъ не «первый портной» и потому особенно много мудрствовать не обязанъ.

Что касается до «перваго портного», то его въ дѣлѣ законодательства по степной колонизаціи, кажется, совсѣмъ не было: все вышло случайно и безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія совершить беззаконіе.

Насколько мы себѣ представляемъ, дѣло было такъ. Проведеніе Сибирской желѣзной дороги, совпавшее, по времени, какъ разъ съ установленіемъ въ правящихъ сферахъ болѣе благожелательнаго взгляда на переселенія вообще, выдвинуло само собою вопросъ о колонизаціи той громадной по протяженію полосы земли, которая прилегаетъ къ новому пути съ обѣихъ сторонъ. А такъ какъ путь этотъ перерѣзалъ Петропавловскій и Омскій уѣзды, Акмолинской области, то вполнѣ естественно, что эти уѣзды и попали въ перечень тѣхъ мѣстностей, гдѣ, по временнымъ правиламъ 13 іюня 1893 г., должны были открыться въ первую очередь работы «временныхъ партій по образованію переселенческихъ участковъ *въ раіонѣ Сибирской желѣзной дороги*» *).

«Бойкіе, дѣльные и расторопные» секретари и столоначальники, вырабатывая «весьма срочно и экстренно» проектъ этихъ временныхъ правилъ, очевидно, удовольствовались однимъ текстомъ ст. 119 и 120 съ 1 примѣчаніемъ къ ней, не имѣя ни надобности, ни времени для того, чтобы вникнуть въ смыслъ напечатанныхъ ниже мелкимъ шрифтомъ законодательныхъ разъясненій Государственнаго Совѣта, и дѣло было сдѣлано: киргизскія земли названныхъ двухъ уѣздовъ «пошли въ изъятіе» на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и *казенныя* въ четырехъ Сибирскихъ губерніяхъ: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской!

Это былъ простой недосмотръ, но разъ онъ попалъ въ «Высочайше утвержденныя правила», съ нимъ въ дальнѣйшемъ стали считаться какъ *съ закономъ*, оправдывавшимъ всѣ позднѣйшія колонизаціонныя мѣропріятія правительства въ другихъ степныхъ уѣздахъ и областяхъ, не смотря на то, что эти мѣропріятія шли цѣликомъ въ разрѣзъ съ тѣми законодательными предначертаніями, какія были даны Государственнымъ Совѣтомъ въ его мотивахъ къ земельнымъ статьямъ Степного положенія. Впослѣдствіи это могло быть замѣчено но было уже поздно: пришлось сознательно продолжать беззако-

---

*) Такъ титуловалась даже и Семипалатинская партія, работавшая на разстояніи *отъ 500 до 1300 верстъ* отъ желѣзной дороги!

коніе тамъ, гдѣ оно было вначалѣ допущено по недоразумѣнію.

Иного, болѣе простого и естественнаго объясненія всей этой печальной исторіи мы не смогли бы найти. Но какъ бы ни возмущала насъ возможность подобныхъ явленій, когда судьба огромнаго края съ нѣсколькими милліонами населенія рѣшается въ зависимости отъ случайнаго канцелярскаго недосмотра, мы должны сказать, что вина бюрократіи въ данномъ случаѣ ослабляется до минимума, такъ какъ, начиная съ 1896 г., въ видахъ болѣе правильной и научной постановки землеотводнаго дѣла въ киргизской степи, къ нему были привлечены на правахъ ближайшихъ участниковъ и руководителей такіе солидные и авторитетные люди, какъ Ф. А. Щербина и А. А. Кауфманъ, извѣстные въ широкихъ кругахъ публики по своимъ научнымъ и литературнымъ трудамъ.

При иномъ, болѣе осмотрительномъ и осторожномъ отношеніи къ дѣлу со стороны этихъ двухъ лицъ, исторія степной колонизаціи безъ сомнѣнія имѣла бы болѣе цѣлесообразный и разумный характеръ, не была бы, какъ теперь, сплошнымъ недоразумѣніемъ и беззаконіемъ.

IX.

Приступивши, согласно «временнымъ правиламъ 13 іюня 1893 г.», къ работамъ по образованію переселенческихъ участковъ изъ казенныхъ земель Петропавловскаго и Омскаго уѣздовъ, Акмолинской области, Акмолинская временная партія на первыхъ-же порахъ столкнулась съ весьма серьезными и существенными затрудненіями. Главное изъ нихъ—это вопросъ, по какой нормѣ дѣлать расчетъ земли для наличнаго полу-кочевого туземнаго населенія, такъ какъ принятая «правилами» для сибирскихъ крестьянъ-старожиловъ 15-ти десятинная душевая норма здѣсь, очевидно, была непримѣнима, въ виду несомнѣнныхъ особенностей киргизской жизни?

Не найдя опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ ни путемъ переписки съ заинтересованными вѣдомствами, ни путемъ самостоятельныхъ полунаучныхъ изысканій, Департаментъ Государственныхъ земельныхъ имуществъ, организовавшій временныя партіи на деньги изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій Сиб. ж. д., пришелъ къ мысли о необходимости поставить дѣло опредѣленія нормъ киргизскаго землепользованія на серьезную научную почву. Для этого рѣшено было произвесть систематическое естественно-историческое и хозяйственно-статистиче-

ское изслѣдованіе подлежащихъ колонизаціи раіоновъ степи подъ руководствомъ опытнаго и авторитетнаго спеціалиста.

Выборъ палъ на знаменитаго воронежскаго земскаго статистика Ф. А. Щербину, который, начавши лѣтомъ 1896 г. изслѣдованія Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области, постепенно, въ послѣдующія 5 лѣтъ, распространилъ свои работы на области Акмолинскую, Семипалатинскую и сѣверную часть Тургайской.

Изданіе матеріаловъ этого столь обширнаго и капитальнаго изслѣдованія пока еще не закончено и потому окончательная оцѣнка результатовъ его, въ связи съ весьма интересной и поучительной во многихъ отношеніяхъ общей исторіей степной колонизаціи, дѣло будущаго. А пока мы въ самыхъ общихъ чертахъ отмѣтимъ только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашей темѣ.

Главная ошибка въ работахъ г. Щербины та, что онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на беззаконность начатыхъ въ степи еще до него землеотводныхъ работъ съ юридической точки зрѣнія. Разобранные нами выше законодательные мотивы и разъясненія Государственнаго Совѣта были имъ совершенно упущены изъ виду.

Вотъ почему, приступая къ опредѣленію земельныхъ излишковъ по Кокчетавскому уѣзду, онъ не только не поставилъ требованіемъ, чтобы предварительно было сдѣлано посредствомъ межеванія точное приведеніе въ извѣстность всѣхъ земель и утверждено спокойствіе владѣльцевъ въ лицѣ отдѣльныхъ, обособленныхъ киргизскихъ общинъ,—но даже нашелъ возможнымъ обойтись для перваго раза совсѣмъ безъ всякихъ межевыхъ—техническихъ работъ, безъ всякихъ мало-мальски приличныхъ плановыхъ матеріаловъ!

Не будучи самъ хоть сколько нибудь компетентнымъ въ межевомъ дѣлѣ и не имѣя въ числѣ своихъ сотрудниковъ ни одного спеціалиста-землемѣра, онъ удовольствовался тѣмъ, что нанесъ на 10-верстную карту, *не выѣзжая въ поле*, словесныя показанія киргизовъ о границахъ ихъ пользованія, и полученныя такимъ путемъ ни съ чѣмъ несообразныя, фиктивныя площади принялъ за «площади киргизскаго землепользованія». Эти «площади» были опредѣлены настолько точно и вѣрно, что тамъ, гдѣ, по даннымъ Щербины, числилось 25.000 дес., въ натурѣ оказывалось иной разъ всего только 6.000 дес. и обратно! *)

И вотъ, послѣ такого фантастическаго «приведенія въ из-

*) Официально установленный фактъ, приведенный въ книгѣ: «Очеркъ работъ по заготовленію пересел. уч.», стр. 257.

вѣстность земель» Кокчетавскаго уѣзда, г. Щербина нисколько не затруднился опредѣлить для него «нормы киргизскаго землепользованія» и составить «росписаніе излишнихъ земель» по отдѣльнымъ раіонамъ.

А что всего удивительнѣе и невѣроятнѣе, такъ это то, что нормы землепользованія для другихъ уѣздовъ Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей выводились не самостоятельно, а больше по аналогіи съ Кокчетавскими *). Ревизоръ, а съ 1903 г. и преемникъ Щербины, А. А. Кауфманъ (*нынѣ видный кадетъ*) весной 1905 г., на одномъ изъ оффиціальныхъ совѣщаній, рекомендовалъ и для Уральской области примѣнить аналогію съ нормами Щербины по ближайшему Актюбинскому уѣзду, Тургайской области.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что опредѣленныя такимъ способомъ нормы киргизскаго землепользованія оказались ниже критики не только въ научномъ **), но и въ чисто практическомъ отношеніи, не возбуждая къ себѣ ни съ чьей стороны особеннаго довѣрія. Тѣмъ не менѣе, это не помѣшало г. Кауфману организовать землеотводное дѣло въ степи на болѣе или менѣе широкихъ началахъ. Больше того, даже и теперь, когда грубая ненаучность и полное легкомысліе пріемовъ Щербины уже достаточно выяснились для лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, г. Кауфманъ все еще не стѣсняется и въ большой печати прикрываться работами Щербины, какъ щитомъ противъ тѣхъ, кто не глядитъ на колонизацію степи съ точки зрѣнія: «хватай—лови!»

Выработанныя нормы землепользованія г. Щербина представилъ на утвержденіе не въ Государственный Совѣтъ, какъ это, безъ сомнѣнія, слѣдовало-бы сдѣлать при нормальной постановкѣ дѣла, а *степному генералъ-губернатору*, который, не довѣряя основательности работы, разрѣшилъ брать подъ переселенческіе участки только не болѣе $^1/_3$ опредѣленныхъ по «расписаніямъ» Щербины «земельныхъ излишковъ».

Подъ тѣмъ-же условіемъ были разрѣшены къ изъятію «излишки» и по нѣкоторымъ другимъ уѣздамъ степного генералъ-губернаторства: Атбасарскому, Акмолинскому и другимъ, изслѣдованнымъ непосредственно послѣ Кокчетавскаго.

Такое ограниченіе показалось г. Кауфману, большому сторонніку всякихъ скоропалительныхъ способовъ и пріемовъ въ землеотводномъ дѣлѣ, весьма стѣснительнымъ и неудобнымъ.

---

*) Отчетъ ревизора землеустройства Смирнова, за 1901 г.

**) Полная ненаучность пріемовъ Щербины при установленіи нормы киргизскаго землепользованія были указаны нами въ докладѣ Омск. Геогр. О-ву, 13 декабря 1902 г.

См. «Сибирск. Жизнь», 1902 г., отъ 13 декабря, №№ 271-272.

И вотъ 5 марта 1901 г. появляется циркуляръ о томъ, чтобы киргизамъ, сверхъ опредѣленной Щербиною нормы землепользованія, оставлялась не $^2/_3$ излишнихъ земель, а только 25% той площади, какая причитается имъ по нормѣ *).

Съ какой поразительной легкостью мысли и пера создаются подобные циркуляры, имѣющіе, однако, для временныхъ партій и милліоновъ степного населенія значеніе непреложныхъ законовъ, можно судить по слѣдующему примѣру, заимствуемому нами изъ офиціальнаго отчета г. Кауфмана.

Пріѣхавши лѣтомъ 1903 г., по порученію начальства, въ Уральскую область для опредѣленія ея колонизаціонной пригодности, г. Кауфманъ могъ только мелькомъ, мимоходомъ заглянуть въ ея лучшій сѣверный раіонъ, такъ какъ ему, въ то же лѣто, предстояла болѣе серьезная поѣздка въ Туркестанъ для аналогичной цѣли. Однако, это не помѣшало ему сдѣлать даже «цифровой расчетъ» тѣхъ «земельныхъ излишковъ», какіе можно было-бы ожидать для надобностей колонизаціи въ этой лучшей части Уральской области.

Примѣнивши здѣсь нормы сосѣднихъ раіоновъ Актюбинскаго уѣзда, г. Кауфманъ нашелъ, что размѣръ этихъ излишковъ равенъ приблизительно 720.000 дес. Цифра довольно солидная, изъ-за которой, безусловно, стоило-бы начать землеотводныя работы. Но... тутъ г. Кауфманъ вспомнилъ, что по его-же циркуляру 5 марта 1901 г. онъ обязанъ оставить киргизамъ еще 25% земли сверхъ нормы, а эти 25% по сѣверному раіону Уральской области составляютъ, по его расчету, какъ разъ 708.000 дес.; слѣдовательно, «излишнихъ» остается только 12.000!

Тогда, вмѣсто того, чтобы совсѣмъ вычеркнуть свои ни на чемъ не основанные расчеты и не подавать своимъ подчиненнымъ сквернаго примѣра столь легкомысленнаго отношенія къ такимъ серьезнымъ вопросамъ, нашъ законодатель, ничтоже сумняшеся, посвящаетъ цѣлыхъ двѣ страницы своего отчета (25—27) доказательству, что оставленіе киргизамъ 25% сверхъ нормы *ни на чемъ не основано* и, что имъ, черномазымъ, будетъ за глаза достаточно оставить только 10% сверхъ нормы! Отъ такого совершенно произвольнаго, ничѣмъ не обоснованнаго рѣшенія вопроса о циркулярѣ 5 марта 1901 г., по глубокомысленному заключенію законодателя—самолета, «зависитъ, можно сказать, вся будущность русской колонизаціи наиболѣе для того пригодныхъ мѣстностей степного края (!)»**).

Такъ пишутся циркуляры.

---

*) «Сборникъ узак. и распор.», стр. 91.

**) «Къ вопросу о колонизаціи Уральск. области», стр. 24—27.

И всѣ они, собранные въ казенной зеленой книжечкѣ, изданы по одному способу, имѣютъ такую же цѣну и насквозь пропитаны циничнымъ принципомъ стараго режима: «законъ—дышло».

Само собою разумѣется, что отъ «системы работъ», организованной на основаніи подобнаго рода бюрократическихъ письменныхъ упражненій на законодательныя темы, было бы нелѣпо ожидать сколько-нибудь внимательнаго и серьезнаго отношенія къ земельнымъ нуждамъ коренного населенія степи, какъ мы видѣли, крайне неравномѣрно обезпеченнаго землею.

Наоборотъ, при землеотводныхъ работахъ всегда строго соблюдалось правило: если волость или аулъ безземельный или малоземельный, на него не слѣдуетъ обращать вниманія, какъ бы плохо его населенію ни приходилось; зато въ многоземельныхъ волостяхъ и аулахъ надо отыскивать и по возможности полностью использовать всякіе «земельные излишки». Этимъ правиломъ мы обязаны, повидимому, тому же г. Кауфману. По крайней мѣрѣ, на упомянутомъ выше совѣщаніи въ мартѣ 1905 г. имъ была проведена такого рода директива для работъ по дальнѣйшему изслѣдованію степи: «изслѣдованію должны подвергаться не сплошь цѣлые уѣзды, а тѣмъ болѣе не области, а лишь тѣ мѣстности, гдѣ имѣется въ виду образовать переселенческіе участки, и тѣ группы киргизскаго населенія, которыя могутъ оказаться заинтересованными въ предвидимыхъ изъятіяхъ»*).

Болѣе рѣзкаго отрицанія принципа общности и связности земельнаго владѣнія для огромныхъ районовъ степи, правильнѣе, для всей степи, и болѣе капитальнаго непониманія духа и смысла земельныхъ статей степного положенія—трудно придумать, а вѣдь Кауфманъ—единственный оффиціальный пророкъ казенной колонизаціи степи.

X.

Такимъ образомъ, существующая система землеотводнаго дѣла въ киргизской степи нисколько не обязана вникать въ земельныя нужды и хозяйственные интересы самого мѣстнаго населенія. Отнимая у киргизовъ лучшіе куски земель, она взамѣнъ того не приноситъ имъ самимъ ровнымъ счетомъ никакой пользы, а на неустроенныхъ и бездомныхъ кочевниковъ, не знающихъ, какъ быть дальше, куда дѣваться, она смотритъ только, какъ на непріятное препятствіе успѣшному ходу работъ

*) См. также «Къ вопросу о колон. Ур. обл.» стр. 61—62.

т. е. образованію возможно большаго количества участковъ въ возможно меньшій срокъ!

Главный недостатокъ, точнѣе коренная ошибка этой системы—это полное игнорированіе того неоспоримаго факта, что настоящимъ владѣльцемъ и распорядителемъ киргизской земли являются, по довѣрію государства, не отдѣльные аулы, волости или уѣзды, а весь киргизскій народъ, взятый въ цѣломъ, а главная несправедливость этой системы въ томъ, что, отбирая землю у тѣхъ, у кого ея дѣйствительно много, она самымъ вопіющимъ образомъ игнорируетъ тяжелое, критическое положеніе тѣхъ, у кого земли недостаточно или совсѣмъ нѣтъ.

На этой-то почвѣ и получаются возмутительныя вещи. По даннымъ совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, обработанныхъ для степи *тѣмъ же г. Кауфманомъ**), на Иртышѣ и въ Алтайскомъ горномъ округѣ живетъ арендой чужихъ земель 92.000 безземельныхъ киргизовъ, и въ то же время земли ближайшихъ степныхъ уѣздовъ отводятся «за излишествомъ» подъ переселенческіе участки.

Съ другой стороны, работы временныхъ партій еще болѣе ухудшаютъ положеніе и безъ того стѣсненныхъ кочевниковъ. Опрашивая границы землепользованія и отдѣляя общія лѣтовки отъ обособленныхъ пастбищъ и угодій осѣдлыхъ киргизовъ, статистики и землемѣры не справляются ни съ документами, устанавливающими лѣтовочныя мѣста общаго пользованія, ни съ показаніями заинтересованныхъ здѣсь всего болѣе кочевниковъ. Благодаря этому, осѣдлые киргизы, въ своихъ показаніяхъ, стараются захватить, записать за собой, какъ можно больше земли изъ сосѣднихъ лѣтовокъ и тѣмъ самымъ сверхъ всякой мѣры увеличиваютъ площадь своего землепользованія. Вслѣдствіе этого у нихъ получаются огромные излишки, а кочевники оказываются окончательно обездоленными, утративши значительныя площади свободныхъ лѣтовокъ, которыя потомъ, какъ «излишки», отводятся подъ переселенческіе участки**).

Но и вообще, землеотводная техника обставлена такими условіями, которыя не даютъ ровно никакихъ гарантій защиты интересовъ мѣстнаго населенія. Оно вполнѣ беззащитно и знаетъ только одно, что, сколько ни протестуй, сколько ни вол-

---

*) Но уже не какъ чиновникомъ, а какъ «литераторомъ», знатокомъ окраинныхъ вопросовъ.

**) По словамъ производителя работъ Тургайской партіи г. Шкунова, въ 1905 г. одинъ аулъ Актюбинскаго у. сознался, что онъ захватилъ изъ лѣтовокъ 6000 дес., а другой цѣлыхъ 14.000! Показаніе было провѣрено по документамъ 1882 г. Въ обоихъ аулахъ запроектированы участки.

пуйся, въ концѣ концовъ все будетъ сдѣлано, именно такъ, какъ хотятъ «инженеры», т. е. чиновники временныхъ партій.

Дѣйствительно, когда составляется первоначальный проектъ «изъятія» изъ излишнихъ земель какой-либо одной обособленной общины, онъ, по правилу, долженъ предъявляться ея аксакаламъ или довѣреннымъ, которые при этомъ могутъ дѣлать свои возраженія и предлагать тѣ или иныя измѣненія. Слѣдовательно, здѣсь борются между собою двѣ стороны: «производитель работъ», человѣкъ не всегда образованный, но все же грамотный и знающій разные циркуляры и временныя правила,—съ одной стороны, и невѣжественные, наивные киргизы, питающіе какое-то особое, мистическое уваженіе ко всякаго рода «бумагамъ», ко всякаго рода «начальству»—съ другой. Въ результатѣ «добровольное соглашеніе», вынужденное иногда шантажной угрозой, въ случаѣ несогласія киргизовъ, взять у нихъ гораздо больше земли, чѣмъ значится въ предъявляемомъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ выгодномъ и безобидномъ «для мѣстнаго населенія» проектѣ изъятія.

Затѣмъ, этотъ проектъ разсматривается во временной комиссіи, куда киргизы могутъ обращаться, въ случаѣ недовольства ихъ, съ своими жалобами и протестами. По поводу этихъ протестовъ въ комиссіи, хотя и не всегда, можетъ возникнуть борьба также между двумя сторонами: съ одной—производитель работъ и завѣдывающій временной партіею (предсѣдатель комиссіи), заинтересованные единственно въ количествѣ изъятій и вооруженные цѣлыми ворохами, не всегда и имъ самимъ понятныхъ, цифръ и «соображеній», а съ другой—чиновники: уѣздный и крестьянскій начальники и податной инспекторъ, хотя и обязанные отстаивать и защищать интересы киргизовъ, но совершенно лишенные для такой защиты какого-либо дѣйствительно пригоднаго оружія. Верхъ, конечно, въ видѣ общаго правила оказывается на сторонѣ землеотводчиковъ.

Высшая инстанція для обжалованія принятыхъ временною комиссіею участковъ—областное правленіе, гдѣ опять та же обстановка и то же соотношеніе силъ. При этомъ не надо упускать изъ виду, что исторія степной колонизаціи знаетъ нѣсколько случаевъ, когда не только мелкіе уѣздные чиновники, но и губернаторы получали свыше «крупныя непріятности» за противодѣйствіе или недостаточное содѣйствіе землеотводнымъ работамъ *).

Но помимо этихъ случайныхъ, эпизодическихъ непріятностей, вообще роль и положеніе мѣстной киргизской админи-

*) Случаи съ тургайскимъ и уральскимъ губернаторами, чиновниками Акмолинскаго уѣзда и пр.

страціи въ дѣлѣ образованія переселенческихъ участковъ въ высшей степени странны, ненормальны и неестественны. Не имѣя никакихъ данныхъ, никакихъ спеціальныхъ средствъ и познаній, она должна заниматься совершенно непосильнымъ и не свойственнымъ ей дѣломъ надзора за киргизскимъ поземельнымъ устройствомъ, разрѣшать поземельные споры, устанавливать распредѣленіе тѣхъ или иныхъ угодій между общинами и даже отдѣльными хозяевами, назначать кочующимъ лѣтовки, кочевые пути, водопои и переправы, разрѣшать или не разрѣшать сдачу киргизскихъ земель въ аренду, а главное—*утверждать нормы киргизскаго землепользованія* и наблюдать за тѣмъ, чтобы, при изъятіи «излишнихъ земель» подъ переселенческіе участки, лѣсныя дачи и пр., не были нарушены интересы затрагиваемыхъ этимъ изъятіемъ группъ населенія!

А органы землеустроительнаго вѣдомства, вмѣсто того, чтобы, согласно предначертанію Государственнаго Совѣта, взять въ свои руки цѣликомъ это сложное и отвѣтственное дѣло степного поземельнаго устройства, считаютъ естественнымъ и законнымъ, не давая администраціи тѣхъ широкихъ и всеобъемлющихъ матеріаловъ, какіе Государственный Совѣтъ имѣлъ въ виду въ своихъ разъясненіяхъ,—бороться съ нею на почвѣ исключительно землеотводнаго дѣла и склонны признавать свои работы почти идеально совершенными въ тѣхъ случаяхъ, когда безпомощная и невѣжественная степная бюрократія оказывается не въ состояніи сказать противъ этихъ работъ чего-либо существенно важнаго.

Въ итогѣ, эти органы, въ лицѣ временныхъ партій, вмѣсто поземельнаго устройства, занимаются исключительно поземельнымъ разстройствомъ степи, внося новую путаницу и въ безъ того уже до крайности запутанныя степныя земельныя отношенія. Даже и тѣхъ единичныхъ хозяевъ-киргизовъ, у которыхъ зимовки и сѣнокосы отходятъ подъ участки, партіи предпочитаютъ «сбрасывать на руки» той же мѣстной бюрократіи, обязывая ее черезъ посредство аульныхъ обществъ устраивать сдвинутыхъ съ мѣста туземцевъ какими угодно способами. Это ведетъ къ тому, что сотни такихъ киргизовъ по нѣскольку лѣтъ не могутъ найти себѣ новаго пристанища взамѣнъ отобраннаго и живутъ какъ-то такъ внѣ пространства.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Кокчетавскомъ уѣздѣ.

И въ концѣ концовъ, когда временныя партіи, исчерпавши степной колонизаціонный фондъ, прекратятъ свою дѣятельность, онѣ своими матеріалами, особенно плановыми, нисколько не облегчатъ, а скорѣе затруднятъ работу будущихъ киргизскихъ землеустроителей, которые, во многихъ случаяхъ, сдѣлаютъ лучше всего, если прямо откажутся отъ такихъ «матеріаловъ»,

какъ отъ невыгоднаго и не совсѣмъ приличнаго наслѣдства. Мы будемъ вполнѣ безпристрастны, добавивъ, что только то, что дѣлалось партіями вопреки «директивамъ» г. Кауфмана, и ему подобныхъ «законодателей», можетъ дѣйствительно пригодиться для цѣлей поземельнаго устройства, а именно: произведенныя въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, сравнительно точныя тригонометрическія работы и сплошная съемка киргизскихъ волостей.

А между тѣмъ, если бы 14 лѣтъ тому назадъ было начато настоящее, научно поставленное сплошное межеваніе и изслѣдованіе всей степи, мы къ данному моменту уже далеко бы подвинулись въ исполненіи той единственно справедливой и цѣлесообразной программы, какая была намѣчена Государственнымъ Совѣтомъ для окончательнаго вырѣшенія вопроса о дѣйствительныхъ излишкахъ киргизскаго землепользованія, и передѣлывать все сдѣланное, какъ теперь, заново, израсходовавъ на вѣтеръ значительныя средства, тогда бы не пришлось.

XI.

Представленіе читателя о той роли, какую казенныя учрежденія играютъ въ современномъ хаосѣ степныхъ земельныхъ отношеній, было бы недостаточно полно, если бы мы оставили безъ разсмотрѣнія практикуемый этими учрежденіями порядокъ образованія лѣсныхъ дачъ единственнаго владѣнія казны изъ тѣхъ же киргизскихъ «излишнихъ земель».

Принципіально вопросъ о выдѣленіи лѣсныхъ дачъ въ двухъ уѣздахъ Акмолинской области—Омскомъ и Петропавловскомъ, какъ и въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ былъ рѣшенъ мимоходомъ ст. 6, 24 и 25 «временныхъ правилъ» 13 іюня 1893 года.

Впослѣдствіи, распространяя путемъ особыхъ Высочайше утвержденныхъ постановленій Комитета Сиб. ж. д., *каждый разъ на одинъ годъ*, землеотводныя работы постепенно на остальные уѣзды сѣверныхъ степныхъ областей, бывшее министерство земледѣлія и государственныхъ земельныхъ имуществъ попутно вело и работы по выдѣлу лѣсныхъ дачъ въ степи. Оно и понятно: разъ только «излишнія земли», худо ли, хорошо ли, были опредѣлены на основаніи выработанныхъ Щербиною нормъ киргизскаго землепользованія, министерство согласно 1 примѣч. къ ст. 120 степного положенія, считало себя въ правѣ распоряжаться этими «излишками» по своему усмотрѣнію, какъ для цѣлей колонизаціи, такъ и для другихъ государственныхъ надобностей.

Порядокъ образованія лѣсныхъ дачъ въ степныхъ областяхъ былъ намѣченъ циркулярами 19 мая 1898 г. (основной для всѣхъ вообще землеотводныхъ работъ въ степи) и 22-го мая 1899 г. (спеціально лѣсной).

Послѣдній циркуляръ, какъ водится, рекомендовалъ въ работахъ по выдѣленію лѣсовъ, являющемуся «мѣрой, въ высшей степени важною въ интересахъ края», особую осторожность, иначе это можетъ, «съ одной стороны, вредно отразиться на интересахъ зимующихъ среди лѣсовъ и по сосѣдству съ ними киргизовъ, а съ другой—повести къ сокращенію той площади земель, которая могла бы быть предоставлена подъ водвореніе переселенцевъ» *).

Въ видахъ достиженія охраны интересовъ, какъ мѣстнаго населенія, такъ и дѣла колонизаціи, предварительные проекты лѣсныхъ дачъ должны были составляться лѣсничими при ближайшемъ участіи чиновниковъ временныхъ партій, какъ единственныхъ и надежныхъ знатоковъ всѣхъ тайнъ эмпирическаго искусства нахожденія, опредѣленія и использованія «земельныхъ излишковъ».

Работая въ качествѣ межевого техника въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской, авторъ могъ своими глазами видѣть, какъ эти «хорошія» циркулярно-бумажныя «слова» прилагаются къ дѣлу и насколько при этомъ, дѣйствительно, принимаются во вниманіе интересы мѣстнаго населенія.

У лѣсничихъ, какъ и у производителей работъ временныхъ партій, на практикѣ все дѣло сводилось къ тому, чтобы не только удовлетворить, но и удивить, поразить начальство выдающейся, максимальной быстротой и успѣшностью своихъ работъ, не придавая особеннаго значенія ихъ качеству, цѣлесообразности и осмысленности. Вотъ почему производители работъ «пекли, какъ блины», десятки переселенческихъ участковъ, на половину или даже на $^3/_4$ оказывавшихся негодными для населенія **), а лѣсничіе, въ свою очередь, не желая отставать, наскоро «стряпали» лѣсныя дачи, нерѣдко изъ совершенно никуда и ни на что негоднаго матеріала, въ видѣ несчастной, корявой березовой поросли, разсѣянной отдѣльными куртинками на огромныхъ пространствахъ и вполнѣ заслуживающей свое названіе: «заячьи объѣдки».

При такомъ состязаніи на рѣзвость и скорость между землеотводчиками и лѣсоотводчиками, киргизамъ приходилось вдвойнѣ плохо: чего не взялъ производитель работъ, то доби-

---

*) Сборн. узак. и распоряж. о перес. участк., стр. 74—75.

**) Картинки съ натуры въ этой области даны въ «Запискахъ Колонизатора», г. Соколова-Костромскаго.

ралъ лѣсничій. Въ результатѣ многія общины попали въ тиски между Сциллой переселенческаго участка и Харибдой лѣсной дачи: чуть скотина перешла налѣво,—ссора и даже драка съ переселенцами,—пошла направо,—протоколъ, штрафъ или взятка со стороны лѣсниковъ и объѣздчиковъ! Но, конечно, предварительные протесты киргизовъ по поводу невозможности жить при такихъ условіяхъ, за самымъ рѣдкимъ исключеніемъ, оставлялись временными комиссіями «безъ послѣдствій». Въ этомъ и выражалась «охрана интересовъ мѣстнаго населенія».

Однако, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ недостаткахъ, эта система положительно блѣднѣетъ передъ тѣми «лѣсными порядками», на какіе авторъ, какъ статистикъ, натолкнулся въ 1904-1905 гг. въ Уральской области, гдѣ землеотводныя работы «по книжкѣ циркуляровъ» только что начаты одновременно съ открытіемъ первой Государственной Думы. Здѣсь, въ уральской степи, лѣсное вѣдомство побило всякіе рекорды безсмысленнаго, но систематически организованнаго притѣсненія и разоренія киргизовъ, устроивши подъ названіемъ «лѣсныхъ дачъ» цѣлую сѣть мышеловокъ и капкановъ для уловленія киргизскаго скота и самихъ киргизовъ на каждомъ шагу и во всякое время.

На основаніи какихъ «узаконеній и распоряженій» образованы эти лѣсныя дачи, намъ установить не удалось, но самая «техника» этого дѣла имѣла удивительно упрощенный характеръ. Нисколько не справляясь съ тѣмъ, есть ли у мѣстнаго населенія земельные излишки, или ихъ совсѣмъ нѣтъ, и не производя никакихъ «лѣсныхъ, съемочныхъ или отграничительныхъ дѣйствій», единственный на всю область лѣсничій образовывалъ лѣсныя дачи чаще всего способомъ, напоминающимъ извѣстную фразу Ноздрева: «то, что по эту сторону лѣса—мое, а по ту сторону... это тоже мое!» Пріѣдетъ, махнетъ рукой вдоль оврага, скажетъ своей свитѣ изъ лѣсниковъ и объѣздчиковъ: «Эго наше!»—запишетъ названіе новой «дачи», и она готова, т. е. готовы постоянные предлоги для протоколовъ и обиранія ближайшихъ ауловъ, хотя въ иномъ оврагѣ нѣтъ никакого лѣса, кромѣ отдѣльныхъ кустиковъ и мелкорослыхъ деревьевъ, разбросанныхъ по пастбищной или сѣнокосной площади.

Еще болѣе изумительно превращеніе въ «лѣсныя дачи» всѣхъ огромныхъ площадей сыпучихъ песковъ въ Темирскомъ уѣздѣ, которые въ тяжелыя зимы служили населенію довольно сноснымъ пастбищемъ, а въ обыкновенное время давали сравнительно много сѣна по котловинамъ и ложбинамъ.

О томъ, каково живется киргизамъ рядомъ съ такими да-

чами, можно судить по слѣдующему типичному приговору № 4 аула Эмбо-Темирской волости:

1) «На (образованныхъ изъ земель аула) дачахъ нѣтъ положительно такой лѣсной породы, изъ которой могли бы вырости годные строевые лѣса, а есть только кустарная, никуда, кромѣ топлива и огорожи, непригодная лѣсная поросль, заключающаяся въ тальникѣ, осинникѣ и березникѣ, которые съ незапамятныхъ временъ, не смотря на бдительную охрану сначала насъ самихъ, киргизъ, а потомъ около 20 лѣтъ—лѣсничествомъ, ни въ вышину, ни въ толщину не прибавляются, кромѣ лишь того, что одни изъ нихъ погибаютъ, а другіе вновь появляются, и едва ли приносятъ казнѣ какую-либо пользу. А между тѣмъ, взятіе ихъ въ лѣсничество и при нихъ покосныхъ мѣстъ такъ вредно отразилось на благосостояніи нашемъ одними неправильно налагаемыми штрафами за эти кустарныя растенія и за покосы: уже есть киргизы, доведенные до разоренія, отчего стала происходить недоимка казенныхъ и общественныхъ сборовъ.

2) «Главный вредъ, губительно отражающійся на благосостояніи нашемъ, еще отъ лѣсника, окарауливающаго эти дачи, киргиза Бупежанова, составляющаго протоколы о порубкахъ лѣса и допускахъ скота положительно всегда ложные и единственно на лицъ, его не угощающихъ или же не давшихъ ему просимыхъ подарковъ и лошадей на прокатъ, выставляя въ протоколахъ этихъ свидѣтелями лицъ, стоящихъ къ нему близкими, черезъ каковые происки есть много пострадавшихъ, невинно заплатившихъ по приговорамъ мирового судьи отъ 50 и болѣе 100 рублей взысканія. Другой вредъ лѣсника слѣдующій: у него имѣется свой скотъ и пасется въ лѣсной дачѣ, но о потравѣ онымъ онъ постановляетъ протоколы на другихъ невинныхъ въ этомъ лицъ и съ нихъ производится взысканіе. Есть еще и такіе случаи: самъ же онъ, лѣсникъ, продаетъ кому либо за кошму, барана и тому подобное тайно лѣсъ или допуститъ къ пастьбѣ скотъ за вознагражденіе, но протоколы на это постановляетъ совершенно на другихъ лицъ, не поддавшихся его происками.

3) «Всѣми лучшими покосными мѣстами, которыя могли-бы продовольствовать скотъ 20 и болѣе кибитковладѣльцевъ, пользуется не казна, а одинъ только лѣсникъ Бупежановъ, который травы эти отдаетъ намъ, киргизамъ, изъ половины, съ доплатою къ каждому стогу еще по 2 и болѣе рублей, черезъ что онъ въ короткое время, имѣвшій раньше 1 лошадь, нажилъ и имѣетъ сейчасъ: 30 рогатаго скота, 10 верблюдовъ, 20 лошадей и 200 барановъ. Кромѣ сего, въ 1903 г. онъ кормилъ сѣномъ до 50 лошадей, принадлежащихъ подрядчи-

камъ Ташкентской желѣзной дороги, и получилъ за это около 1000 (?) рублей».

При статистическомъ опросѣ киргизы того же аула сдѣлали характерное заявленіе: «Лѣсника мы боимся и почитаемъ больше, чѣмъ губернатора или царя!»

Въ другомъ случаѣ, киргизы № 3 аула Калмакъ—кырганской волости, доведенные лѣсниками до крайности, просили записать такую просьбу: «Или выселите насъ куда-нибудь подальше, или отдайте лѣсъ подъ нашу собственную охрану!»

«Отъ хорошей жизни» такая просьба едва ли пришла бы имъ въ голову.

Лѣсничій занятъ или собственнымъ обширнымъ хозяйствомъ, на даровыхъ «казенныхъ» лугахъ и земляхъ,—что даетъ ему возможность жить припѣваючи, или направляетъ къ мировому, а потомъ и ко взысканію сотни протоколовъ, составляемыхъ шайкой сподручныхъ ему «лѣсохранителей»: взысканія варьируютъ *отъ 20 коп.* до нѣсколькихъ десятковъ рублей. На судѣ киргизы вполнѣ беззащитны, и потому, чтобы не платить вдвое-втрое, они чаще *добровольно* уплачиваютъ штрафъ по составленной лѣсничимъ на основаніи протоколовъ «казенной расцѣнкѣ».

Общій доходъ казны отъ лѣсничества, расходующаго ежегодно 4500—5000 рублей, равенъ 700 руб., въ томъ числѣ и штрафы по 300 протоколовъ, но это, конечно, не даетъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ колоссальныхъ расходахъ и убыткахъ, какіе мѣстное населеніе терпитъ отъ лѣсныхъ дачъ, благодаря разнымъ темнымъ, негласнымъ «мировымъ сдѣлкамъ» съ лѣсной стражей по поводу «не получившихъ дальнѣйшаго движенія протоколовъ», а также и въ видѣ стоимости отобранныхъ у него на десятки тысячъ копенъ сѣнокоса и значительныхъ площадей пастбищъ. И все это творится десятками лѣтъ «на самомъ законномъ основаніи»!

Вполнѣ понятно, что вообще по всей степи, гдѣ есть лѣса, при наличности подобныхъ «лѣсныхъ порядковъ», населеніе съ нетерпѣніемъ ждетъ коренного пересмотра этого вопроса на новыхъ, болѣе разумныхъ и справедливыхъ началахъ. Сдѣлать это можно будетъ лишь при сплошномъ поземельномъ устройствѣ, когда только и можетъ быть рѣшенъ вопросъ: кому больше выгоды принесетъ данное лѣсное урочище, государству ли вообще съ точки зрѣнія лѣсоохранительной, или же ближайшему населенію съ точки зрѣнія хозяйственныхъ удобствъ и расчетовъ. А пока немедленное упраздненіе всѣхъ Уральскихъ лѣсныхъ дачъ и имъ подобныхъ—дѣло самой элементарной справедливости.

XII.

Теперь небезполезно будетъ подвести нѣкоторые итоги относительно формъ борьбы за землю въ киргизской степи и сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, касающихся уже сильно замѣтнаго классоваго разслоенія среди сѣверныхъ и вообще осѣдлыхъ киргизовъ, чтобы затѣмъ перейти непосредственно къ изложенію киргизскихъ взглядовъ на рѣшеніе земельнаго вопроса въ степныхъ областяхъ и нашей точки зрѣнія на этотъ предметъ. Въ предыдущемъ изложеніи, когда дѣло шло о причинахъ и условіяхъ происхожденія наблюдаемой нынѣ въ киргизской степи пестроты и путаницы въ земельныхъ отношеніяхъ и распорядкахъ, мы старались болѣе или менѣе рѣзко при всякомъ случаѣ, оттѣнять нашу основную мысль, что эти отношенія и распорядки складывались на почвѣ непрерывной борьбы за землю между кочевниками и осѣдлыми, этими двумя большими враждебными лагерями, на которые теперь распадается *хозяйственно-однородный въ былое время* киргизскій народъ.

При этомъ мы въ своемъ мѣстѣ отмѣтили, что такое положеніе вещей явилось въ свою очередь результатомъ другой, болѣе ранней борьбы, происходившей между *кочевыми* родами за право на лучшіе и болѣе широкіе *мангдаи* или сферы вліянія.

Сопоставляя между собой эти два момента, мы видимъ, что въ настоящее время характеръ и направленіе борьбы рѣзко и существенно измѣнились по сравненію съ прошлымъ.

Прежде каждый кочевой родъ, какъ бы онъ силенъ ни былъ, боролся съ другими, если не равнымъ, то все же однороднымъ оружіемъ Онъ могъ отодвинуть своихъ сосѣдей-соперниковъ обѣ стороны—*на востокъ и на западъ*, но *никакими постоянными признаками результатовъ своей побѣды онъ закрѣпить за собою не могъ**), и потому, при другомъ соотношеніи, при другой группировкѣ силъ онъ могъ быть самъ

---

*) У кочевниковъ такими постоянными признаками пользованія данной полосою степи являются только колодцы въ безводныхъ мѣстахъ и *старый навозъ* на тѣхъ урочищахъ, гдѣ данная родовая группа стояла раньше, называемый спеціальнымъ терминомъ: «коунъ» (см. въ назв. работѣ Дмитріева, стр. 26). Это не можетъ, конечно, идти ни въ какое сравненіе съ такими прочными и постоянными признаками пользованія, какъ пашня, постройки, окопы для итоговъ и пр. у осѣдлыхъ киргизовъ. Опредѣленныя *границы* землепользованія являются уже на дальнѣйшей стадіи развитія осѣдлаго хозяйства, но и онѣ имѣютъ силу постольку, поскольку онѣ поддерживаются активно путемъ *фактическаго пользованія*, т. е. посредствомъ тѣхъ же зимовокъ, пашенъ и пр.

вытѣсненъ со своего мангдая совсѣмъ или, по крайней, мѣрѣ ограниченъ, стѣсненъ и съ запада, и съ востока. Т. е. борьба, при извѣстныхъ условіяхъ, могла вестись съ перемѣннымъ успѣхомъ, допуская возможность даже неоднократной перемѣны ролей между побѣдителями и побѣжденными.

Теперь, наоборотъ, одна изъ борющихся сторонъ—осѣдлые *постоянно* живутъ на спорной землѣ или вблизи нея, имѣя возможность закрѣпить ее за собою жилыми строеніями или пашнями, тогда какъ другая—кочевники—могутъ осуществлять фактически, осязательнымъ образомъ свое право на то или иное урочище только въ теченіе меньшей части года—какихъ-нибудь 3-4, много 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, а въ остальное время они волей-неволей должны покидать свои лѣтнія пастбища и стоянки на произволъ судьбы, точнѣе на милость и великодушіе своего противника. Прежде борющіеся всегда должны были чувствовать другъ друга «локтемъ» и зимой и лѣтомъ; теперь они сходятся только лѣтомъ, на короткое время.

Въ силу этого измѣнилось и *направленіе* борьбы: осѣдлые, съ упорнымъ и настойчивымъ постоянствомъ, тѣснятъ кочевниковъ, не съ запада на востокъ или обратно, а *съ сѣвера на югъ*; постепенно закрывая своимъ противникамъ доступъ въ болѣе сѣверные районы. Здѣсь разъ потерянное одной стороной и захваченное другой пространство земли уже *навсегда* остается въ рукахъ побѣдителя: постановленія нѣкоторыхъ межобластныхъ съѣздовъ о сносѣ зимовокъ съ лѣтовочныхъ мѣстъ никогда не приводились въ исполненіе, оставаясь только благими пожеланіями на бумагѣ.

Во многихъ районахъ степи, благодаря осѣданію кочевниковъ, борьба за лѣтовки уже утратила свой острый и массовой характеръ; въ другихъ, какъ, напр., запасной части степи, расположенной между Ураломъ и морями Аральскимъ и Каспійскимъ, эта борьба, напротивъ, только теперь пріобрѣтаетъ наиболѣе рѣзкія и страстныя формы, выражаясь въ массѣ споровъ, тяжебъ, ссоръ, дракъ и нерѣдко убійствъ. Чѣмъ многочисленнѣе кочевники и чѣмъ чаще сохранили они, какъ Адайцы, свою традиціонную форму хозяйства вмѣстѣ съ сплоченностью и стройностью родовыхъ отношеній, тѣмъ болѣе непримиримо ведутъ они себя на сѣверѣ и тѣмъ съ большей энергіей защищаютъ они основной принципъ нашихъ деревенскихъ соціалистовъ-революціонеровъ: «Земля Божья».

И обратно, кочевники, сами имѣющіе зимой нѣкоторый видъ осѣдлости, какъ зимующіе по берегу Каспійскаго моря *въ землянкахъ и дѣлающіе нѣкоторые запасы сѣна* Гурьевскіе киргизы, склонны къ болѣе миролюбивой и компромиссной так-

тикѣ, проявляющейся, какъ мы уже отмѣчали, въ подаркахъ, угощеніяхъ и вообще задабриваніи осѣдлыхъ.

Но поскольку Гурьевцы имѣютъ *свою* землю по берегу моря для зимней пастьбы скота, они становятся во враждебное отношеніе съ Адайцами, у которыхъ своей земли *нигдѣ нѣтъ* и которые лѣтомъ, не имѣя свободнаго доступа на сѣверъ, значительными массами останавливаются въ предѣлахъ Гурьевскихъ волостей, вытравливая нужный «хозяевамъ» земли на зиму подножный кормъ. Недоразумѣнія и столкновенія и здѣсь за послѣдніе годы пріобрѣли хроническій характеръ, до крайности усложняя общую картину борьбы за землю.

Для полноты этой картины, поскольку дѣло касается кочевниковъ, мы можемъ еще отмѣтить, что даже и среди чистыхъ кочевниковъ, но принадлежащихъ къ разнымъ родамъ, на югѣ происходятъ схватки.

Равнымъ образомъ изъ-за колодцевъ, обладаніе которыми обезпечиваетъ пользованіе той или иной пастбищной площадью, дѣло, иногда, говорятъ, доходитъ и до убійствъ.

Слѣдовательно, лагерь кочевниковъ такъ-же не свободенъ отъ внутренней, междоусобной борьбы, какъ и лагерь осѣдлыхъ, но только борьба эта имѣетъ далеко не такой сложный и запутанный характеръ, какъ тамъ.

Большая сложность борьбы за землю среди осѣдлыхъ, живущихъ, по образному выраженію Чиманова, «на птичьемъ положеніи», т. е. почти при полномъ отсутствіи *трудоваго* начала въ хозяйствѣ *) объясняется слѣдующимъ. Помимо далеко еще не завершившейся во всѣхъ степныхъ областяхъ борьбы между отдѣльными осѣдлыми общинами и волостями за преобладаніе на лѣтнихъ и осенне-весеннихъ пастбищахъ, пока еще не совсѣмъ утратившихъ характеръ былого *общаго пользованія*, осѣдлые иногда десятками лѣтъ враждуютъ и тягаются между собою изъ-за угодій *постояннаго, обособленнаго* пользованія: пашенъ, сѣнокосовъ и мѣстъ, удобныхъ для постройки зимовокъ, пуская въ ходъ другъ противъ друга, какъ и противъ кочевниковъ, типичныя «свои средствія»: насиліе, самоуправство, обманъ, клевету, доносъ, подкупъ должностныхъ лицъ и судей, наиболѣе дѣйствительныя только въ рукахъ наиболѣе сильныхъ и *богатыхъ* общинъ и волостей.

Здѣсь мы соприкасаемся уже съ весьма характернымъ для культурной, землецѣльческо-осѣдлой части степи явленіемъ: *экономической и соціальной дифференціаціей*, которая есть ничто иное, какъ слѣдствіе всепроникающей, внутренней борьбы

---

*) «Кушпильчилыкъ тыпты кэсыбъ смесъ», сказалъ онъ же: «кочевая жизнь это совсѣмъ не занятіе, не *промыселъ*».

уже не между родовыми или территоріальными общественными единицами, а между различными по степени хозяйственно-экономическаго обезпеченія *слоями* населенія каждой такой единицы *).

Основная почва, благопріятствующая такому разслоенію осѣдлаго населенія, заключается въ томъ, что условія осѣдлой сельско-хозяйственной жизни, которая имѣетъ три устоя: земледѣліе, скотоводство и промыслы, весьма содѣйствуютъ развитію въ населеніи личной иниціативы, предпріимчивости и рабочей, производительной энергіи,—чего нѣтъ и быть не можетъ среди кочевниковъ-скотоводовъ.

Правда, и при кочевомъ хозяйствѣ есть и должны быть удачники и неудачники, но разница въ томъ, что неудачникъ-кочевникъ уже не кочевникъ: онъ по просту выбываетъ изъ строя, а масса дѣйствительно кочующихъ остается сравнительно однородной, какъ прежде. Эти выбывшіе изъ строя кочевники или разбредаются по русскимъ поселеніямъ и городамъ въ качествѣ настоящихъ пролетаріевъ, живущихъ исключительно «трудами рукъ своихъ», или же чаще, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ пристраиваются среди населенія осѣдлыхъ волостей, увеличивая собою кадры его наиболѣе обездоленныхъ, наиболѣе прижатыхъ придавленныхъ элементовъ.

Другое дѣло дифференціація осѣдлыхъ волостей. Здѣсь удачники и неудачники остаются жить вмѣстѣ. бокъ о бокъ, причемъ, благодаря специфическимъ особенностямъ хозяйственнаго уклада, между обогащеніемъ однихъ и обѣднѣніемъ другихъ существуетъ прямая причинная связь и зависимость: одни бѣдны потому, что богаты другіе, и обратно. Предпріимчивый киргизъ-сѣверянинъ, путемъ разныхъ чудовищно-кабальныхъ ссудъ и другихъ долговыхъ сдѣлокъ, имѣетъ полную возможность держать въ рукахъ своихъ менѣе обезпеченныхъ одноаульцевъ, самымъ широкимъ образомъ эксплоатируя и ихъ рабочую силу и слабыя стороны ихъ собственнаго хозяйства, рѣзко обнаруживающіяся при неизбѣжныхъ колебаніяхъ въ урожаѣ травъ и хлѣбовъ.

---

*) Съ грубо «марксистской» точки зрѣнія въ литературѣ это явленіе отмѣчено, если не ошибаемся, впервые въ статьѣ г. Валя: «Къ исторіи экономическихъ отношеній у киргизовъ». Научное Обозр. 1901 г., январь. Авторъ пользовался данными Ф. А. Щербины, который, наоборотъ, пришелъ къ противоположному выводу, что въ степи не выдѣляются «особенно рѣзко (!) крайніе типы хозяйствъ», а преобладаютъ средніе (Кокчетавск. сборн., ст. 147); чудесныя приключенія этихъ «среднихъ» были нами изложены въ особомъ докладѣ: «О нормальной киргизской семьѣ по изслѣдованіямъ Ф. А. Щербины въ связи съ вопросомъ о выводѣ нормъ киргизскаго землепользованія», прочитанномъ въ Омскѣ въ концѣ 1902 г.

Съ другой стороны, система ближайшаго и всесторонняго бюрократическаго руководительства и надзора за общественными отношеніями киргизовъ, при наличности малосознательности и малокультурности ихъ въ массѣ, облегчаютъ богатымъ киргизамъ возможность добиваться болѣе значительныхъ и выгодныхъ общественныхъ должностей *), упрочивая тѣмъ самымъ дальнѣйшую возможность быстраго обогащенія за счетъ рядового населенія. Въ осѣдлой степи поэтому рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ наиболѣе грубой, ничѣмъ не прикрытой формѣ наблюдается типичное явленіе буржуазнаго общественнаго строя: богатый имѣетъ власть, имѣющій власть обогащается.

Этимъ и объясняется та бросающаяся въ глаза съ перваго же взгляда разница и во взаимныхъ отношеніяхъ между бѣдными и богатыми у кочевниковъ и осѣдлыхъ. Богатый и бѣдный кочевникъ не могутъ столкнуться въ сферѣ землепользованія и потому ходатайства богатыхъ кочевниковъ объ улучшеніи судьбы ихъ обѣднѣвшихъ родичей путемъ отвода имъ на сѣверѣ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ для самостоятельнаго осѣдлаго хозяйства являются вполнѣ понятными и естественными **). Напротивъ, никакихъ признаковъ такой естественной солидарности между богатыми и бѣдными сѣверянами мы уже не находимъ, а вмѣсто того на каждомъ шагу натыкаемся на проявленія болѣе или менѣе явной, открытой борьбы между ними за землю и вообще благосостояніе. Тогда какъ богатые настаиваютъ на общинномъ, нераздѣльномъ пользованіи зимними пастбищами и пахотными землями, стараясь въ то же время всякими правдами и неправдами прибрать къ рукамъ, въ свое исключительное распоряженіе, возможно большую площадь сѣнокосныхъ угодій, бѣдняки хотятъ, чтобы всѣ общинныя земли были раздѣлены поровну между всѣми общинниками. Вмѣсто фактически существующаго, но невыгоднаго бѣднымъ пользованія землею «по количеству скота, по благосостоянію», они добиваются, чтобы земля давалась *по душамъ*, одинаково, какъ для многоскотныхъ, такъ и для совсѣмъ безскотныхъ. Иначе говоря, малосостоятельные слои осѣдлаго населенія степи уже доросли до сознанія *личнаго права на землю*, сродняю-

*) Главнымъ образомъ должности волостного управителя, сопряженной съ возможностью массы «темныхъ» поборовъ, взятокъ и вымогательствъ.

**) Эта солидарность проявляется у кочевниковъ и въ болѣе осязательной формѣ: кочевники богатые отдаютъ нерѣдко часть своего скота въ *безвозмездное* пользованіе менѣе состоятельнымъ и даже бѣднымъ съ однимъ условіемъ, чтобы тѣ брали на себя пастьбу и вообще уходъ за этимъ скотомъ. (Отмѣчено у Дмитріева. op. cit, стр. 12—13; авторъ подчеркиваетъ *взаимопомощь*, какъ основу подобной сдѣлки).

щаго ихъ психологію съ психологіей малоземельнаго крестьянства, но зато идущаго въ разрѣзъ со всѣми степными традиціями, которыя до сихъ поръ въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранились у кочевниковъ, а въ болѣе узкомъ и ограниченномъ смыслѣ поддерживаются и осѣдлыми богачами скотоводами и богачами земледѣльцами на почвѣ защиты вполнѣ опредѣленныхъ матеріальныхъ интересовъ.

Только считаясь съ этой хозяйственно-экономической и соціальн й неоднородностью степного населенія, мы можемъ должнымъ образомъ понять и взвѣсить его отношеніе къ намѣченному выше фактическому вмѣшательству правительственныхъ учрежденій въ киргизскія земельныя отношенія и обосновать въ общихъ чертахъ программу и задачи поземельнаго устройства степи, какъ мѣры въ высшей степени жизненнаго и практически неотложнаго характера.

XIII.

Приготовляясь къ выбору своихъ представителей въ первую Государственную Думу, киргизы, вмѣстѣ съ остальными мусульманами Россіи, приняли программу конституціонно-демократической партіи. Но такъ какъ въ этой программѣ стоитъ, между прочимъ, широкая государственная помощь переселенію на окраины и въ томъ числѣ, значитъ, и въ степныя области, то по аграрному вопросу у киргизовъ вышло нѣкотораго рода непріятное недоразумѣніе. Дѣло было такъ. Переводя на киргизскій языкъ программу к.-д., Уральская группа киргизовъ-кадетовъ по земельному вопросу, вмѣсто официальнаго текста, вставила слѣдующую самостоятельную композицію.

«*Въ основномъ законѣ должно быть написано, что киргизскія земли принадлежатъ на правѣ вѣчной собственности киргизскому народу безъ всякихъ другихъ совладѣльцевъ. Законы о признаніи киргизскихъ земель государственной собственностью и о переселеніи на нихъ русскихъ мужиковъ должны быть отмѣнены, уничтожены. Безъ позволенія самихъ киргизовъ, русскіе не должны отбирать землю, ни во временное пользованіе, ни на вѣчность*» *).

Газетное сообщеніе о такой «поддѣлкѣ программы» заставило «авторитетнаго знатока» степной колонизаціи, г. Кауфмана выступить печатно, чтобы дать должный отпоръ ни съ чѣмъ

*) Киргизскій текстъ программы, стр. 13, переводъ нашъ.

несообразнымъ, по его мнѣнію, притязаніямъ киргизовъ по признанію за ними исключительнаго права на занимаемыя ими земли.

Съ такого рода «исправленіями» партійной программы, отъ наиболѣе вліятельнаго и богатаго меньшинства степного населенія, партія народной свободы, по мнѣнію г. Кауфмана, никоимъ образомъ согласиться не можетъ, такъ какъ въ ея расчеты не можетъ входить закрытіе того наиболѣе надежнаго и даже «послѣдняго» колонизаціоннаго района, какой представляютъ собою многоземельныя киргизскія степи. Наоборотъ, партія ставитъ своей задачей широкое содѣйствіе переселенію, которое, по выраженію г. Кауфмана, «является однимъ изъ немногихъ путей, гдѣ находитъ себѣ исходъ народная нужда въ землѣ».

При томъ же, требованіе киргизовъ ни на чемъ не основано. *Юридическихъ* правъ на свои земли они никогда не имѣли, а отъ образованія переселенческихъ участковъ киргизская народная масса страдаетъ меньше, чѣмъ отъ своихъ собственныхъ степныхъ аристократовъ, богачей, которые сами-же продавали землю русскимъ.

Что касается землеотводнаго дѣла, то оно поставлено въ степи на довольно раціональныхъ и справедливыхъ началахъ: отбиралась до сихъ поръ только ничтожная часть тѣхъ «излишковъ», какіе были опредѣлены «на основаніи богатаго статистическаго матеріала, собраннаго экспедиціей Щербины», которая ограждала интересы киргизовъ «скорѣе слишкомъ широко, нежели недостаточно». Только условно, вѣроятно, на случай, если ему это будетъ доказано, г. Кауфманъ соглашается на пересмотръ организаціи переселенческаго дѣла въ степныхъ областяхъ, «въ связи съ интересами киргизскаго народа и широкой (sic!) русской колонизаціи»*).

Приступая къ разбору этой типично-казенной аргументаціи г. Кауфмана противъ типично-киргизскаго проекта рѣшенія земельнаго вопроса въ степи, мы прежде всего должны замѣтить, что г. Кауфманъ далеко недостаточно объективенъ, сводя главную причину протестовъ туземнаго населенія противъ колонизаціи степи исключительно къ своекорыстнымъ происканъ и интересамъ киргизской буржуазіи. Правда, богачи и воротилы осѣдлой части степи, какъ мы уже отмѣчали, весьма заинтересованы въ сохраненіи существующаго порядка вещей въ степи отъ нарушеній со стороны колонизаціи, которая, отнимая у этихъ господъ очень выгодную для нихъ возможность сдавать въ аренду русскимъ излишнія общественныя и незаконно за-

*) «Рѣчь», 1906 г., № 11.

хваченныя *лѣтовочныя* земли, навсегда лишаетъ ихъ былого пастбищнаго простора и обилія пахотныхъ земель, весьма привлекательныхъ для нихъ, какъ скотоводовъ и крупныхъ земледѣльцевъ, засѣвающихъ, иной разъ по нѣскольку сотъ десятинъ хлѣба. Безспорно также и то, что экономическіе и земельные интересы этого сравнительно небольшого но вліятельнаго слоя осѣдлаго населенія не только не солидарны, но часто прямо противоположны интересамъ остального осѣдлаго населенія и всѣхъ безъ исключенія кочевниксвъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію и то замѣтное вліяніе, какое оказали на прогрессъ киргизскаго земледѣльческаго хозяйства, между прочимъ, и русскія осѣдлыя поселенія казачьи и *переселенческія*, при чемъ, какъ мы уже выяснили, прогрессъ этотъ до извѣстной степени повліялъ на улучшеніе положенія бѣднѣйшей части осѣдлыхъ киргизовъ по сравненію съ обѣднѣвшими кочевниками.

Но изъ всего этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что *всѣ вообще* киргизскіе протесты противъ колонизаціи вещь вздорная, искусственно вздутая, не имѣющая подъ собою никакой серьезной основы въ видѣ важныхъ, жизненныхъ и конкретныхъ интересовъ широкихъ массъ киргизскаго народа.

Фактъ взаимной борьбы различныхъ слоевъ и элементовъ степного населенія на почвѣ хозяйственно-экономическихъ и земельныхъ отношеній, при правильномъ пониманіи его, совсѣмъ еще не даетъ повода къ безусловному заключенію въ томъ смыслѣ, что въ дѣлѣ отстаиванія своихъ общихъ *національныхъ* правъ и интересовъ, въ дѣлѣ протеста противъ правительственнаго произвола и угнетенія киргизы-бѣдняки и киргизы-кочевники, какъ сторона, страдающая отъ осѣдлой степной буржуазіи, не захотятъ идти вмѣстѣ съ ней, а пойдутъ какой-то своей, особенной дорогой.

Напротивъ, въ виду крайней непопулярности созданнаго г. Кауфманомъ безсистемнаго и насильственнаго отбиранія «излишнихъ земель» въ глазахъ всего степного населенія, осѣдлые богачи принуждены въ этомъ отношеніи говорить и лѣлать только то, что нужно и что нравится «всему народу», который нисколько не жалѣетъ денегъ на депутаціи и ходатайства, но который призналъ бы врагомъ, измѣнникомъ общему дѣлу всякаго, кто осмѣлился бы открыто защищать колонизацію степи. Непосредственно соприкасаясь съ киргизской жизнью въ теченіе 7 лѣтъ подрядъ, мы знаемъ, что, защищая общенародное дѣло, «ходатаи изъ числа сѣверныхъ осѣдлыхъ воротилъ въ видѣ общаго правила не кладутъ охулки на руку при расходованіи собранныхъ съ народа денегъ, но вѣдь также поступалъ и О'Коннель, «Освободитель Ирландіи», однако, никто изъ

добросовѣстныхъ людей не рѣшится на этомъ только основаніи признать вздорными требованія ирландцевъ объ улучшеніи ихъ положенія. Несчастіе угнетенныхъ, задавленныхъ народностей именно въ томъ и состоитъ, что они вынуждены бываютъ поручать защиту своихъ правъ какъ разъ тѣмъ лицамъ изъ своей среды, которыя, пользуясь забитостью и беззащитностью своихъ сородичей, нерѣдко обираютъ и обманываютъ ихъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ.

Мы признали бы вполнѣ законной чиновничье-казенную экскурсію г. Кауфмана въ область историческаго матеріализма, соціальныхъ неравенствъ и борьбы классовъ—только въ томъ случаѣ, если бы онъ возвращался оттуда съ другимъ багажемъ, кромѣ землеотводной баранты. А то, дѣлая «отводъ» степной буржуазіи, какъ выразительницы общенародныхъ нуждъ, г. Кауфманъ самымъ невиннымъ образомъ отмалчивается по вопросу о томъ, чѣмъ-же, какими сторонами своими незаконное и безсистемное землеотводное дѣло въ степи содѣйствуетъ прямо и *непосредственно* улучшенію или облегченію участи страдающихъ отъ этой буржуазіи кочевниковъ и необезпеченныхъ землею осѣдлыхъ? Развѣ это дѣло не построено на сплошномъ и систематическомъ игнорированіи интересовъ и земельныхъ нуждъ именно этихъ двухъ элементовъ степного населенія?

Развѣ г. Кауфманъ не настаивалъ такъ энергично на запрещеніи партіямъ производить изслѣдованіе *малоземельныхъ* осѣдлыхъ раіоновъ и волостей? Развѣ онъ, въ отчетѣ за 1903 годъ, не проектировалъ прекратить доступъ кочевникамъ въ сѣверные районы Уральской области, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, насколько гибельно можетъ это отразиться на положеніи и такъ уже со всѣхъ сторонъ стѣсненныхъ кочевниковъ? *). И, наконецъ, развѣ г. Кауфманъ забылъ то знаменитое мѣсто въ полемической бумагѣ Щербины, гдѣ этотъ авторъ «богатыхъ статистическихъ матеріаловъ» ставитъ себѣ въ заслугу, что «нигдѣ въ этихъ матеріалахъ не встрѣчается ни слова, ни намека на хозяйство южныхъ киргизовъ и тѣмъ болѣе на «условія существованія» южныхъ или сыръ-дарьинскихъ киргизовъ» (кочевниковъ), заинтересованныхъ въ опредѣленныхъ для сѣверной, осѣдлой части степи «земельныхъ излишкахъ?» **).

Изъ того, что было выяснено нами относительно «системы и порядка» землеотводныхъ работъ въ степи, нетрудно выве-

*) «Къ вопросу о колонизаціи Уральской области», стр. 32—33.

**) Отвѣтъ на критическую записку Тургайскаго губернатора, написанный Щербиною 22 сентября 1899 г. за № 187. Дѣло идетъ о сѣверной части Кустанайскаго у. Цитируемъ по первому изданію «Кустанайск. Сборника», стр. 104.

сти, что, не давая малоземельнымъ и безземельнымъ осѣдлымъ и совершенно неустроеннымъ въ земельномъ отношеніи кочевникамъ ничего въ положительной формѣ, работы эти отражаются на ихъ судьбѣ чисто отрицательно.

При одномъ слухѣ объ открытіи землеотводныхъ работъ, осѣдлые начинаютъ усиленно «выпроваживать» кочевниковъ съ лѣтовокъ: «Уходите, теперь не до васъ: у насъ, у самихъ, скоро землю отберутъ!» «Обиженныя» отобраніемъ земель подъ переселенческіе участки многоземельныя и богатыя общины вознаграждаютъ себя за счетъ ближайшихъ лѣтовокъ, а то и своихъ болѣе слабыхъ сосѣдей. Если, при отобраніи земель, зимовокъ и сѣнокосовъ лишаются богатые хозяева, они быстро достигаютъ того, что общество отводитъ имъ новыя мѣста, нерѣдко значительно «потѣснивши» бѣдняковъ изъ одноаульцевъ; за то, въ обратномъ случаѣ, бѣдняки, лишившись «насиженныхъ мѣстъ», по нѣскольку лѣтъ ждутъ великодушнаго вниманія богачей къ своей судьбѣ, такъ какъ партіи, на основаніи директивы «о неприданіи работамъ характера ихъ землеустройства», не обязаны устраивать сами тѣхъ, кого они обездоливаютъ. Слѣдовательно, даже въ лучшемъ случаѣ, нападая непосредственно на степныхъ шукъ, система г. Кауфмана тѣмъ не менѣе ухудшаетъ положеніе, главнымъ образомъ, только карасей, за счетъ которыхъ щуки безъ труда получаютъ реваншъ за все, отнятое у нихъ, и потому г. Кауфманъ совершенно напрасно старается крокодиловыми слезами о положеніи степного плебса омыть грѣхи казенной колонизаціи: киргизы могутъ повѣрить ему въ сто разъ меньше, чѣмъ самъ онъ вѣритъ «степной аристократіи».

Нисколько не облегчается его положеніе и тѣмъ обстоятельствомъ, что юридическихъ правъ на исключительное пользованіе своими землями, на правѣ вѣчной собственности, киргизы не имѣютъ. Что-же изъ того? За то у нихъ есть самое неоспоримое юридическое право на то, чтобы быть равномѣрно и справедливо обезпеченными землею прежде, чѣмъ «излишнія земли» пойдутъ подъ переселенческіе участки и лѣсныя дачи: это право гарантировано имъ «степнымъ положеніемъ». Почему-же г. Кауфманъ не хочетъ считаться съ этимъ правомъ должнымъ образомъ? Не потому ли, что, въ виду тяжелаго и безвыходнаго положенія русскихъ малоземельныхъ крестьянъ, нельзя особенно строго считаться съ разными писанными, бумажными законами, а приходится вникать въ дѣло по существу и стараться удовлетворить властнымъ требованіямъ реальной жизни? Прекрасно. Тогда почему же, на основаніи этого принципа, не вникнуть по существу и въ положеніе кочевниковъ и безземельныхъ осѣдлыхъ киргизовъ? Вѣдь ихъ инте-

ресы и нужды заслуживаютъ, думается, не меньше вниманія, чѣмъ нужды и интересы переселенцевъ? Съ этой точки зрѣнія, никакъ уже нельзя понять и оправдать колонизаціи степи, которая ставитъ дѣло съ «излишками» головой внизъ: вмѣсто того, чтобы сначала дать киргизамъ то, что имъ нужно, а затѣмъ взять себѣ остальное, *излишнее*, она дѣлаетъ какъ разъ наоборотъ: беретъ *лучшее*, а остатки отдаетъ киргизамъ.

Продолжая, въ качествѣ кадетскаго «литератора», защищать то дѣло, которому онъ служилъ, какъ самый заядлый бюрократъ, и пользуясь слабымъ знакомствомъ публики съ киргизскими земельными порядками, г. Кауфманъ навязываетъ партіи народной свободы, признающей автономію окраинъ и самоопредѣленіе національностей, такую позицію въ вопросѣ о киргизской степи и ея колонизаціи, на которой прилично стоять развѣ только самодержавной бюрократіи вкупѣ съ истинно-русскими» дворянами, охотно простирающими свои крупно-землевладѣльческія вилы по направленію къ совершенно чужой для нихъ повѣти «многихъ милліоновъ кочевническихъ земель» *).

Но что простительно бюрократіи и дворянамъ, по представленію которыхъ «въ азіатскихъ владѣніяхъ Имперіи нынѣ пустуютъ громадныя пространства пригодной для обработки земли» **), которымъ во что бы то ни стало нужно создать изъ колонизаціи хоть сколько-нибудь серьезный громоотводъ противъ аграрныхъ безпорядковъ и принудительнаго отчужденія частной земельной собственности и для кого степная колонизація есть лишь частный вопросъ общей программы «обрусѣнія окраинныхъ инородцевъ»,—то совсѣмъ непонятно и непростительно для человѣка, столь основательно доказавшаго широкой публикѣ *вредность* и *пагубность* увлеченія «широкими задачами» переселенія вообще и въ частности установившаго, что «колонизаціонная емкость киргизскихъ степей не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ ихъ необъятными пространствами» и что въ будущемъ тамъ едва ли можно будетъ, разсчитывать на устройство еще такого-же количества переселенцевъ, какое уже живетъ на переселенческихъ участкахъ, т. е. максимумъ 300—400 тысячъ мужскихъ душъ лѣтъ за 15—20 усиленныхъ землеотводныхъ работъ ***).

Отъ такихъ, еще не успѣвшихъ примѣниться къ новой для нихъ роли защитниковъ «народной свободы», дѣятелей стараго

---

*) Изъ обращенія депутаціи донскихъ дворянъ къ гр. Витте по поводу проекта Кутлера въ январѣ 1906 г.

**) Декларація 13 мая 1906 г.

***) «Переселеніе и колонизація», А. А. Кауфмана, IV—V и 229—234 стр. Цифровой расчетъ сдѣланъ нами приблизительно.

режима, какъ г. Кауфманъ, ни одна приличная политическая партія не можетъ принимать никакихъ «даровъ», ибо эти данайскія приношенія слишкомъ ужъ сильно пропитаны духомъ того господина, которому жертвователь еще такъ недавно и такъ усердно служилъ, духомъ бюрократическаго, безконтрольнаго самовластія.

Для г. Кауфмана киргизы, какъ народъ, имѣющій собственные земельные нужды и интересы, независимо отъ «интересовъ широкой русской колонизаціи», совершенно не существуютъ. Живой и цѣльный организмъ степныхъ земельныхъ отношеній онъ склоненъ рѣзать землеотводнымъ ножомъ такъ же спокойно и хладнокровно, «какъ рѣжутъ анатомы трупы» *), лишь бы это только было сообразно раньше съ «видами правительства», а теперь—«съ программой партіи», понятой въ чисто канцелярско-бумажномъ, неподижно-формалистическомъ духѣ. Партійный бюрократическій канцеляризмъ на смѣну канцеляризма департаментскаго—это все, что могутъ дать такія политическія «дѣвицы», какъ г. Кауфманъ, если къ нему примѣнить извѣстную французскую пословицу: la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle.

XIV.

Приведенные выше три пункта напечатанной въ Уральскѣ киргизской аграрной программы, надо сознаться, формулированы настолько удачно, что имъ обезпечено такое-же горячее и дружное сочувствіе большинства степного населенія, какимъ въ малоземельномъ крестьянствѣ пользуется формула: «Земля Божья, земля трудящимся». И это потому, что здѣсь вмѣстѣ съ отмѣной старыхъ законовъ о колонизаціи степи и включено изданіе такого новаго закона, который допускалъ бы изъятіе киргизскихъ земель, навсегда или на время, только съ согласія самого народа.

Это и есть то здоровое и жизненное ядро, которое цѣликомъ можетъ быть положено въ основу степного поземельнаго устройства, но которое ускользнуло совершенно отъ вниманія казенныхъ знатоковъ киргизской жизни.

Отчасти виною этому сами осѣдлые киргизы, которые до послѣдняго времени стояли на узко-національной точкѣ зрѣнія, подчеркнутой настолько грубо и наивно, что для та-

*) Изъ неизданнаго памфлета на работы Щербины и Кауфмана написаннаго въ Омскѣ однимъ межевымъ техникомъ.

кихъ ловкихъ «по части науки» дѣльцовъ, какъ г.г. Щербина и Кауфманъ, не стоило никакого труда доказать полную неосновательность замѣшанныхъ на подобныхъ дрожжахъ киргизскихъ петицій и ходатайствъ.

Завѣтная мечта авторовъ такихъ петицій, происходящихъ дѣйствительно изъ среды осѣдлой степной буржуазіи, это выраженная въ первомъ пунктѣ уральской программы—«вѣчная» или «вотчинная собственность» киргизовъ на занимаемыя ими земли. «Закроемъ колонизацію, получимъ всю землю въ собственность и будемъ жить по обычаю!» Вотъ форма, въ которой такіе ходатаи преподносили свою программу малосознательнымъ осѣдлымъ киргизамъ и всѣмъ кочевникамъ, умалчивая, однако, о тѣхъ мѣрахъ, какія необходимы для того, чтобы эта жизнь «по обычаю» была выгодна большинству народа, а не однимъ только осѣдлымъ богачамъ. Вопросъ объ этихъ практическихъ мѣрахъ безусловно и неминуемо обнаружилъ бы рѣзкое разногласіе между различными слоями и элементами степного населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выставилъ бы въ надлежащемъ свѣтѣ дѣйствительные интересы и стремленія осѣдлой буржуазіи, которой совсѣмъ не выгодно ни раздѣленіе пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій по душамъ, какъ того хотятъ осѣдлые бѣдняки, ни неприкосновенность общихъ лѣтовокъ въ границахъ, установленныхъ межъ-областными съѣздами, какъ того добиваются кочевники.

Г. Кауфманъ вполнѣ правъ, когда онъ думаетъ, что узконаціоналистическое требованіе вѣчной земельной собственности, исходя отъ степной, осѣдлой буржуазіи, далеко не выражаетъ собою дѣйствительныхъ нуждъ *всего* киргизскаго народа, особенно его наиболѣе обездоленныхъ элементовъ. Степные воротилы ходатайствуютъ; «народъ молчитъ».

Но интересно, какимъ бы это образомъ степной народъ могъ о своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ довести до свѣдѣнія г. Кауфмана, если онъ заблаговременно запретилъ партіямъ производить изслѣдованія малоземельныхъ районовъ, церемониться съ кочевниками и вообще дѣлать что бы то ни было другое, кромѣ отыскиванія и использованія «излишковъ» по системѣ: «урвать да удрать?»

Искренняя боязнь г. Кауфмана, какъ типичнаго бюрократа-колонизатора, чтобы временныя партіи не занялись изученіемъ киргизской жизни для самыхъ киргизовъ и нечаянно кого-нибудь не устроили въ земельномъ отношеніи, «въ ущербъ продуктивности землеотводнаго дѣла»,—служила лучшей гарантіей, что, въ чемъ бы киргизскій народъ самъ по себѣ ни нуждался, о чемъ бы онъ ни просилъ, на это никто не обратитъ ни малѣйшаго вниманія, ибо это противорѣчитъ, идетъ въ разрѣзъ

тому «заранѣе обдуманному намѣренію», съ какимъ за послѣдніе годы бюрократія стала относиться къ «переселенію и колонизаціи». Зеркало вниманія къ киргизскимъ земельнымъ нуждамъ было сознательно повернуто въ степи обратной, задней стороной, и нечего г. Кауфману удивляться, что рядомъ съ собственнымъ лицомъ онъ увидѣлъ тамъ только упитанную, но кривую физіономію степной буржуазіи, которой, конечно, какъ и самому г. Кауфману, совсѣмъ ужъ «не къ лицу» роль истиннаго защитника народныхъ интересовъ.

Эти самостоятельные интересы у киргизской народной массы существуютъ сами по себѣ и требуютъ къ себѣ самаго серьезнаго и глубокаго вниманія со стороны русскаго общества и русскаго народа. Чтобы подкрѣпить правильность нашего взгляда на сущность этихъ интересовъ, мы въ общихъ чертахъ изложимъ содержаніе появившихся за послѣдній годъ киргизскихъ приговоровъ, ходатайствъ и петицій, составленныхъ уже въ иномъ духѣ по сравненію съ тѣмъ, что старались провести степные воротилы изъ осѣдлыхъ волостей, уклоняясь отъ детальной разработки и изложенія своей земельной программы.

Вмѣсто ссылки на архаическій указъ Анны Іоанновны, написанный такъ, что изъ него можно вывести все, что угодно, авторы новыхъ ходатайствъ ссылаются на законъ 1891 г., въ разъясненіи Государственнаго Совѣта не допускающій мѣста никакимъ двусмысленнымъ толкованіямъ. Вмѣсто требованія вѣчной собственности, идущаго въ разрѣзъ съ закономъ, новыя петиціи настаиваютъ на поземельномъ устройствѣ всей степи *по закону*.

Безусловное, націоналистическое отрицаніе колонизаціи, отчасти продиктованное теперь уже неосуществимымъ желаніемъ отгородиться отъ непосредственной связи съ русскимъ народомъ, здѣсь замѣняется требованіемъ немедленнаго пріостановленія колонизаціи, *но лишь временно, до тѣхъ поръ, «пока имѣющіеся въ степи земельные излишки не выяснятся, какъ остатокъ отъ поземельнаго устройства всего мѣстнаго населенія»*. Въ то время, какъ осѣдлые богачи, защищая отъ переселенческихъ участковъ захваченныя у кочевниковъ лѣтовочныя земли, всегда называли себя тоже «кочевниками» и скотоводами, скрывая рѣзкую дифференціацію степи, но на дѣлѣ широко используя ее въ своихъ цѣляхъ, въ новыхъ ходатайствахъ мы находимъ вполнѣ ясное и сознательное отношеніе къ происходящей въ степи борьбѣ за землю, возникшей благодаря противоположности интересовъ отдѣльныхъ слоевъ и группъ населенія: кочевники здѣсь противопоставляются осѣдлымъ, и осѣдлые различаются на обезпеченныхъ и необезпеченныхъ землею. Вмѣсто огульнаго отрицанія какихъ бы то

ни было земельныхъ излишковъ въ сѣверной части степи, какъ это дѣлали въ своихъ жалобахъ осѣдлые богачи, новое теченіе степной мысли вполнѣ признаетъ эти излишки, но требуетъ, чтобы они были употреблены прежде всего на обезпеченіе землею кочевниковъ и малоземельныхъ осѣдлыхъ. Наконецъ, взамѣнъ полемики противъ изслѣдованій Щербины съ цѣлью доказать ихъ принципіальную ненужность *), теперь, наоборотъ, требуется, чтобы было произведено болѣе *«всестороннее и научное изслѣдованіе всей степи и точная подробная съемка земель ея въ цѣляхъ поземельнаго устройства»*, а не исключительно въ цѣляхъ землестводной баранты, какъ это дѣлается по рекомендаціи г. Кауфмана **). А что всего интереснѣе, адайцы, эти коренные и исконные кочевники скотоводы, на которыхъ всѣ смотрѣли, какъ на какихъ-то особенныхъ, своеобразныхъ людей, не признающихъ обычныхъ для осѣдлыхъ хозяевъ понятій, — въ іюлѣ мѣсяцѣ 1905 г., по двумъ волостямъ Темирскаго уѣзда составили приговора объ отводѣ имъ въ средней части уѣзда, на опредѣленно указанныхъ урочищахъ, *зимовочныхъ* и лѣтовочныхъ мѣстъ, «такъ какъ, не имѣя опредѣленной земли, они въ минувшую зиму достигли до крайняго разоренія (гибель скота)». Отдѣльные передовые адайцы, какъ напр., Омурзакъ Чопановъ, уже приступили къ подготовительнымъ работамъ по устройству постоянныхъ жилищъ на облюбованныхъ ими урочищахъ. Въ свою очередь, въ приговорахъ и ходатайствахъ осѣдлыхъ волостей, которыя еще такъ недавно заявляли: «что намъ кочевники? намъ русскіе ближе, чѣмъ они!» начинаетъ звучать уже новая струна участія къ безвыходному положенію «нашихъ сородичей кочевниковъ», которые «кочевать не могутъ за отсутствіемъ скота, а заниматься земледѣліемъ и сѣнокошеніемъ у нихъ нѣтъ подходящей земли» (приговоръ Темиръ-Уркачской вол.). Вообще, тотъ порядокъ землеотводныхъ работъ, «когда излишнія земли отбираются у отдѣльныхъ ауловъ и волостей, не обращая вниманія на то, что есть сотни тысячъ безземельныхъ киргизовъ-

---

*) Со ссылками на губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и «другихъ ученыхъ публицистовъ!»

**) Приговора Эмбо-Темирской и Темиръ-Уркачской вол., Тем. у., за іюль 1905 г.; докладная записка, поданная уральскими и тургайскими киргизами д. с. с. Забѣлло, въ Оренбургѣ, въ началѣ октября, того же года; прошеніе четырехъ волостей: Сашматаевской, Улу-Самской и др., Темирск. у., поданное уральскому губернатору; прошеніе Джиренькупинской волости, Уральскаго уѣзда, въ главное управленіе земл. и земледѣлія; прошеніе Чиманова въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ 6-го августа того же года; а также постановленіе Темирскаго уѣзднаго съѣзда крест. нач., отъ 20 августа 1905 года.

кочевниковъ», довѣренные Джиренькупинской волости (Урал. у.) не могутъ признать «справедливымъ и законнымъ: несправедливо это потому, что безземельный киргизъ долженъ обращать на свои нужды не меньше вниманія, чѣмъ крестьянинъ переселенецъ, а незаконно потому, что по ст. 120 степного положенія, разъясненной Государственнымъ Совѣтомъ, казна имѣетъ право отбирать у киргизовъ излишнія земли не прежде, чѣмъ будетъ произведено равномѣрное обезпеченіе землей всего киргизскаго народа». Эмбо-Темирская волость слѣдующимъ образомъ формулируетъ то назначеніе, какое должны получить «избыточныя земли» въ осѣдлыхъ волостяхъ: *эти земли должны быть обращены на удовлетвореніе нуждъ малоземельныхъ и безземельныхъ киргизовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и кочующихъ (!), а также на отводъ лѣтовокъ и кочевыхъ путей для тѣхъ кочевниковъ, которые пожелали бы продолжать прежній кочевой образъ жизни, и затѣмъ уже, если окажется излишекъ земли, то таковой предоставить подъ предполагаемые переселенческіе участки».*

Все это въ высшей степени знаменательно, такъ какъ здѣсь, вмѣсто огульныхъ протестовъ и расплывчатыхъ лозунговъ прежняго времени, намѣчается опредѣленная и положительная практическая программа, построенная не на диктатурѣ осѣдлой буржуазіи, а на признаніи за всѣми киргизами равнаго права на земельное обезпеченіе. Фиктивная, призрачная солидарность всѣхъ «киргизъ-кайсаковъ» на словахъ, при наличности упорной внутренней борьбы ихъ между собою на дѣлѣ, уступаетъ мѣсто дѣйствительной солидарности наиболѣе обездоленныхъ массъ степного населенія, проистекающей изъ вполнѣ безпристрастной и объективно-сознательной оцѣнки причинъ и условій этой борьбы и стремленія найти такое рѣшеніе степного земельнаго вопроса, которое поставило бы по возможности всѣ элементы киргизскаго народа въ сравнительно одинаковыя условія борьбы за существованіе и размноженіе.

Съ этимъ вполнѣ справедливымъ и разумнымъ стремленіемъ русскія передовыя политическія партіи не могутъ не считаться, какъ съ явленіемъ безусловно жизненнымъ и серьезнымъ, что бы тамъ ни утверждали и ни доказывали разные казенные авторитеты и знатоки киргизскаго земельнаго вопроса, вродѣ г. Кауфмана.

XV.

Подводя итогъ всему, сказанному нами о киргизскихъ взглядахъ на рѣшеніе аграрнаго вопроса въ степи, мы должны замѣтить, что новое киргизское теченіе, требующее поземельнаго устройства до колонизаціи, но не протестующее противъ признанія степи государственной собственностью, опредѣлилось далеко еще въ недостаточной степени для того, чтобы съ успѣхомъ противостоять старо-киргизскому, націоналистическому, настаивающему на передачѣ всѣхъ степныхъ земель въ вѣчную собственность киргизскаго народа, безъ всякихъ совладѣльцевъ, что для малосознательной массы населенія имѣетъ болѣе опредѣленный и болѣе привлекательный характеръ.

Такъ какъ въ основѣ старо-киргизской аграрной программы, имѣющей и ка наибольшіе шансы на успѣхъ въ степи, скрыто стремленіе осѣдлой степной буржуазіи обезпечить себѣ господствующее, главенствующее положеніе и въ будущемъ, не поступившись ничѣмъ существеннымъ ни кочевникамъ, ни малосостоятельнымъ и малоземельнымъ осѣдлымъ, то мы считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ еще разъ нѣсколько болѣе подробно, освѣтивъ его съ новой, болѣе широкой точки зрѣнія.

Защищая полностью современный земельный просторъ и обособленность степи, осѣдлая буржуазія, не сознавая того, защищаетъ культурную отсталость киргизовъ, ихъ лѣнь, безпечность и невѣжество, потому что слабая населенность всякой страны или области—главное препятствіе къ всевозможнымъ «прогрессивнымъ теченіямъ» въ ней: люди, что камни въ рѣкѣ,—чѣмъ больше трутся другъ о друга, тѣмъ глаже становятся.

Въ русской землѣ «порядка» до сихъ поръ не было, именно, потому, что она всегда была слишкомъ велика и обильна по сравненію съ численностью населенія. Обиліе новыхъ, «пустопорожнихъ земель» на окраинахъ, бывшее въ каждый данный историческій моментъ къ услугамъ населенія коренной Россіи, мѣшало ему сгуститься вездѣ болѣе или менѣе равномѣрно и выработать болѣе прочныя и культурныя формы общественности. Русскій человѣкъ, идя всегда въ направленіи наименьшаго сопротивленія, привыкъ «бѣгать» отъ неудобствъ своей жизни, вмѣсто того, чтобы устранять ихъ путемъ борьбы и труда.

Большая «тѣснота жизни» въ сѣверныхъ районахъ степи содѣйствовала, вмѣстѣ съ поднятіемъ общаго культурнаго уровня и сознательности мѣстнаго населенія, развитію среди него болѣе раціональныхъ формъ земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства и различныхъ промысловъ, а это дѣлаетъ благосостояніе его

несравненно болѣе устойчивымъ и болѣе гарантированнымъ отъ всякихъ случайностей, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы всѣ его надежды были сосредоточены на одномъ скотѣ, какъ у кочевника.

Положеніе энергичнаго и предпріимчиваго киргиза Карачаганакской волости (см. II гл.), который, порвавши всякія связи съ степными традиціями, легко можетъ прожить не только на казачьемъ, но и на самомъ обыкновенномъ переселенческомъ надѣлѣ, насъ настолько мало пугаетъ, что мы отъ души желали-бы, чтобы всѣ бѣдняки въ киргизской степи были обставлены въ экономическомъ и хозяйственномъ отношеніи не хуже карачаганакца: пока это для большинства изъ нихъ недостижимый идеалъ.

Мы совсѣмъ не склонны смотрѣть на киргизскій народъ, какъ на нуждающееся въ постоянномъ постороннемъ уходѣ тепличное растеніе, способное произрастать только на почвѣ чистаго скотоводства при условіи неограниченнаго пастбищнаго и вообще земельнаго простора. Чтобы быть дѣйствительно, фактически *равноправными* съ остальнымъ населеніемъ государства, киргизы, очевидно, должны стремиться къ тому, чтобы со временемъ научиться вести свое хозяйство цѣлесообразно и умѣло *при равныхъ съ другими элемента и русскаго сельскаго населенія условіяхъ*.

Только тогда, оставаясь киргизами, какъ осебой полноправной народностью, они перестанутъ быть въ глазахъ всего культурнаго міра дикарями или по меньшей мѣрѣ «инородцами».

Поэтому то, на нашъ взглядъ, колонизація степи сама по себѣ не представляетъ ничего особенно ужаснаго и пугающаго, если только она будетъ обставлена должными гарантіями и явится лишь частной, производной задачей въ широкой программѣ степного поземельнаго устройства, организованнаго въ цѣляхъ выясненія и удовлетворенія земельныхъ нуждъ всего мѣстнаго населенія. Основнымъ принципомъ этой капитальной и многосложной работы должно быть укрѣпленіе землевладѣнія или землепользованія и уравненіе землеобезпеченія всѣхъ слоевъ и элементовъ киргизскаго народа, которые страдаютъ сейчасъ, какъ это мы старались выяснить въ предыдущемъ, главнымъ образомъ отъ рѣзкой неравномѣрности и несправедливости въ распредѣленіи земель и угодій между отдѣльными волостями и аулами и отъ несоотвѣтствія отжившихъ и отживающихъ «традицій и обычаевъ» потребностямъ прибивающаго себѣ путь новаго хозяйственнаго строя.

Государство поэтому должно немедленно-же расширить программу своего вмѣшательства въ степныя земельныя отношенія, чтобы гарантировать этому вмѣшательству большую спра-

ведливость и плодотворность. Вмѣсто безсистемной и безсмысленной «погони за излишками» и «изъятіями», задачей работающихъ въ степи учрежденій землеустроительнаго вѣдомства должно быть прежде всего устройство безземельныхъ и малоземельныхъ киргизовъ и всѣхъ кочевниковъ, а затѣмъ уже, если послѣ того окажутся излишки въ многоземельныхъ волостяхъ, образованіе изъ этихъ излишковъ переселенческихъ участковъ.

Только тогда эти учрежденія перестанутъ, какъ мы это видѣли выше, своей вѣчной поспѣшностью и торопливостью вносить новую путаницу и въ безъ того уже до крайности запутанныя формы борьбы за землю въ киргизской степи, и только тогда эта степь получитъ тотъ наиболѣе справедливый и сообразный съ интересами и потребностями современной киргизской жизни порядокъ въ земельныхъ отношеніяхъ, котораго она никогда и не знала, такъ какъ тамъ до сихъ поръ господствовало и господствуетъ только право сильнаго.

Съ другой стороны, только признаніе *за русскимъ народомъ*, уже использовавшимъ для себя около 17 милліоновъ дес. лучшихъ земель въ степи, права и на тѣ земельные излишки, какіе могутъ оказаться тамъ впослѣдствіи, за окончаніемъ мѣстнаго поземельнаго устройства, даетъ киргизскому народу право требовать, чтобы это поземельное устройство, какъ работа не чисто мѣстнаго, а общегосударственнаго характера, было произведено не за счетъ мѣстнаго населенія, которому, въ виду громадности пространства степныхъ областей, такой расходъ окажется совершенно непосильнымъ, а за счетъ всего народа, который въ недалекомъ будущемъ будетъ признанъ единственнымъ и полноправнымъ хозяиномъ всѣхъ земель государственной территоріи, осуществляющимъ свое право черезъ посредство мѣстныхъ строго демократическихъ органовъ.

Въ обратномъ случаѣ, добившись, какъ того хотятъ вожаки старо-киргизской партіи, признанія всѣхъ имѣющихся сейчасъ въ ихъ распоряженіи земель «вѣчной собственностью» киргизскаго народа, киргизы были бы поставлены передъ безвыходной диллемой: или разориться на колоссальные расходы по настоящему, справедливому поземельному устройству степи, или произвесть это дѣло кое-какъ, своими средствами, «по обычаю», т. е. навѣрняка упрочить дальнѣйшую диктатуру степной буржуазіи, увѣковѣчивши существующій хаосъ степныхъ земельныхъ отношеній, самымъ тяжелымъ образомъ отражающійся на положеніи кочевниковъ и осѣдлыхъ необезпеченныхъ землею киргизовъ.

Такимъ образомъ, какъ съ широкой точки зрѣнія исторической необходимости равномѣрнаго распредѣленія народа по

всей территоріи государства для устраненія наблюдаемой теперь по отдѣльнымъ раіонамъ и областямъ культурной и хозяйственной пестроты, поскольку она не вызывается разностью объективныхъ, естественно-историческихъ условій, такъ и съ болѣе узкой, частной точки зрѣнія правильно понятыхъ жизненныхъ интересовъ массы небогатаго трудового населенія въ степи,—старо киргизское требованіе «вѣчной собственности» на всѣ киргизскія земли не выдерживаетъ никакой критики. Поэтому, вмѣсто девиза старо-киргизовъ: «Киргизы были и должны остаться скотоводами и кочевниками», мы вполнѣ искренно присоединяемся къ тому новому киргизскому теченію, которое говоритъ: «Киргизы были до сихъ поръ инородцами, но должны быть культурными и полноправными гражданами русскаго государства, которые не будутъ нуждаться ни въ какой посторонней помощи и опекѣ послѣ того, какъ будетъ закончено поземельное устройство степи!»

Мы вѣримъ и знаемъ, что степь, при мало мальски устойчивомъ и культурномъ хозяйствѣ, легко будетъ въ состояніи прокормить гораздо больше людей, чѣмъ сейчасъ, при отсталыхъ формахъ хозяйства, она прокармливаютъ головъ скота.

XVI.

Переходя къ практической сторонѣ дѣла, мы должны признать, что современное положеніе земельныхъ отношеній въ киргизской степи мѣстами сложилось настолько неблагопріятно для отдѣльныхъ элементовъ населенія, что оставлять ихъ въ такомъ же видѣ до тѣхъ поръ, пока не проявятся результаты общаго поземельнаго устройства, совершенно немыслимо. Необходимы наиболѣе легко и быстро осуществимыя, но чисто практическія мѣры для того, чтобы создать для обездоленныхъ и наиболѣе стѣсненныхъ степняковъ нѣкоторый modus vivendi, нѣкоторую возможность, безъ большихъ страданій и неудобствъ, спокойно ожидать своей очереди въ поземельномъ устройствѣ.

Такими мѣрами, понятными и привычными для степи, могутъ явиться новые межъ-областные, областные и уѣздные съѣзды уполномоченныхъ отъ киргизскихъ волостей для обсужденія земельныхъ нуждъ, какъ цѣлыхъ раіоновъ, такъ и отдѣльныхъ безземельныхъ, малоземельныхъ и кочевыхъ волостей и ауловъ, и *для временныхъ отводовъ:* осѣдлымъ новыхъ или дополнительныхъ земельныхъ надѣловъ, а кочевникамъ—кочевыхъ путей, водопоевъ, переправъ и лѣтнихъ стоянокъ. Съѣзды эти, имѣя въ виду, что дальнѣйшіе захваты

земель киргизами другъ у друга совершенно безцѣльны и вредны, такъ какъ при поземельномъ устройствѣ излишнія земли все равно будутъ отобраны, несомнѣнно, сумѣютъ на время уравновѣсить и примирить интересы враждующихъ и спорящихъ между собою группъ населенія, внушивъ имъ увѣренность въ томъ, что неустранимыя пока неудобства и недостатки въ ихъ землепользованіи имѣютъ уже чисто временный характеръ, до разсмотрѣнія дѣла въ поземельноустроительныхъ учрежденіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же съѣзды могутъ дать необходимый фактическій матеріалъ и представить свои соображенія о мѣстныхъ земельныхъ нуждахъ и задачахъ поземельнаго устройства, при чемъ сводка всѣхъ этихъ матеріаловъ и мнѣній могла бы быть сдѣлана на общекиргизскомъ съѣздѣ съ участіемъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ знатоковъ киргизскаго вопроса и вообще лицъ, могущихъ быть полезными своими свѣдѣніями и познаніями. На основаніи матеріаловъ такого съѣзда и его постановленій, обсужденныхъ и разобранныхъ въ повременной печати и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, Государственная Дума была бы въ состояніи безъ большихъ затрудненій намѣтить программу, характеръ и организацію подготовительныхъ работъ къ поземельному устройству степи въ видѣ сплошныхъ межевыхъ работъ и всесторонняго научнаго изслѣдованія хозяйства и условій жизни всего мѣстнаго населенія.

Широкое участіе органовъ мѣстнаго самоуправленія, которые также необходимо организовать на совершенно новыхъ началахъ,—какъ въ подготовительныхъ работахъ, такъ и въ обсужденіи результатовъ ихъ въ цѣляхъ выработки нормъ земельнаго обезпеченія для отдѣльныхъ районовъ и вообще порядка и условій надѣленія киргизовъ землею,—обезпечило бы Государственной Думѣ возможность сравнительно легко справиться съ задачей установленія основныхъ началъ и нормъ поземельнаго устройства населенія однородныхъ по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ районовъ степи.

Практическое проведеніе въ жизнь этихъ основныхъ началъ, понятно, можетъ быть плодотворнымъ и цѣлесообразно гибкимъ только при условіи участія въ дѣлѣ, на тѣхъ или иныхъ установленныхъ закономъ основаніяхъ, тѣхъ-же органовъ мѣстнаго реорганизованнаго, строго-демократическаго самоуправленія.

Таковъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть практически вполнѣ осуществимый и достаточно планомѣрный путь къ рѣшенію сложной земельной задачи въ киргизской степи, допускающій наибольшую вѣроятность справедливаго уравненія интересовъ какъ отдѣльныхъ слоевъ и элементовъ мѣстнаго населенія, такъ и всего киргизскаго народа съ одной стороны

и остального населенія въ государствѣ—съ другой, чего, какъ было выяснено выше, совершенно нѣтъ въ современномъ грубомъ и безсистемномъ вмѣшательствѣ правительственныхъ учрежденій въ степныя земельныя отношенія при раздѣленіи земельныхъ споровъ и образованіи переселенческихъ участковъ и лѣсныхъ дачъ.

Чтобы возбудить въ мѣстномъ населеніи недовѣріе къ мысли о поземельномъ устройствѣ степи, нѣкоторые изъ бывшихъ сотрудниковъ г. Кауфмана по колонизаціи, грозятъ тѣмъ, что тогда *всѣмъ* киргизамъ будутъ даны «мужицкіе» душевые надѣлы по 15 дес., или 45—50 десятинъ на хозяйство, въ то время какъ теперь имъ, «по нормамъ Щербины» и его преемниковъ, остается фактически на хозяйство не менѣе 100 десятинъ. Но эти благодѣтели и благожелатели киргизскаго народа упускаютъ изъ виду только одно маленькое обстоятельство, что сотни тысячъ киргизовъ не имѣютъ и такого «мужицкаго» надѣла, мечтая о немъ, какъ о царствіи небесномъ. Пусть этимъ киргизамъ будетъ предоставлено сравнительно немного земли, но это немногое должно быть дано имъ безусловно раньше, чѣмъ государство наложитъ свою руку на «излишнія» киргизскія земли. «Дайте намъ *всѣмъ* только то, что намъ слѣдуетъ по закону: лишняго мы не хотимъ!» уже и сейчасъ говорятъ передовые киргизы, въ родѣ Мурзагула Чиманова.

Однимъ словомъ, какъ бы, въ какой формѣ потомъ ни былъ поставленъ и *законодательнымъ путемъ* разрѣшенъ вопросъ о киргизскомъ поземельномъ устройствѣ, Кауфманскій землеотводный Гарѳагенъ долженъ быть разрушенъ прежде всего и немедленно: колонизація должна быть пріостановлена.

Это единодушное желаніе всего киргизскаго народа, который теперь, кромѣ Государственной Думы, никому не вѣритъ и ни отъ кого не ждетъ улучшенія своей участи, всѣми силами, всѣми средствами протестуя противъ продолжающейся и по-сейчасъ землеотводной баранты.

Въ полученномъ нами письмѣ изъ Актюбинскаго уѣзда сообщается, что «киргизы начинаютъ уже дѣйствовать и дѣйствовать дружно, одновременно»: отказываются отъ подписи протоколовъ, отъ указанія границъ и вообще отъ какого бы то ни было участія въ незаконныхъ землеотводныхъ работахъ, уклоняются отъ доставки рабочихъ, юртъ, барановъ, и пр. для топографовъ и производителей работъ и вообще мѣшаютъ имъ работать. На угрозу губернатора казаками отвѣчаютъ: «Если скотина передохнетъ отъ недостатка земли, и мы сами, все равно, должны будемъ умереть. Ужъ лучше перебейте насъ: умремъ, защищая свою землю!»

Причина такого отношенія и озлобленія добродушныхъ по

природѣ киргизовъ заключается *въ полной, абсолютной безрезультатности* ихъ безчисленныхъ депутацій, петицій, ходатайствъ, приговоровъ и протестовъ по поводу несправедливости и незаконности землеотводныхъ работъ, напоминающихъ собою кота въ баснѣ, который «слушаетъ да ѣстъ».

Всевозможныя недоразумѣнія и рѣзкія столкновенія съ переселенцами за послѣдній годъ также участились. Военное положеніе въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской введено еще въ январѣ мѣсяцѣ, и въ большинствѣ остальныхъ степныхъ областей, если не ошибаемся, дѣйствуетъ усиленная охрана.

При такихъ условіяхъ, дальнѣйшее продолженіе землеотводныхъ работъ въ степи, нисколько не облегчая аграрнаго кризиса въ Россіи, явится лишь грубой и рѣзкой, но совершенно безсмысленной и безцѣльной провокаціей антирусскаго шовинистическаго движенія среди киргизовъ. Положимъ, при беззащитности и мягкотѣлости «сыновъ степи», особенно много «вооруженныхъ силъ» для ихъ усмиренія даже въ самомъ крайнемъ случаѣ не понадобится, но зачѣмъ, кому нужно поднимать мирную и безпомощную степь, столь наивно и усердно доказывавшую свою «вѣрноподданность» и свою непоколебимую вѣру въ справедливость правительственной власти? Вѣдь нѣтъ такого учрежденія, хотя бы отдаленно прикосновеннаго къ степи, куда бы киргизы не являлись десятками разъ съ своими слезными просьбами и мольбами, а о всякомъ мѣстномъ начальствѣ и говорить нечего,—а въ результатѣ военное положеніе!

Но если вполнѣ мирнаго и «вѣрноподданнаго» поведенія и самыхъ почтительнѣйшихъ, самыхъ униженнѣйшихъ ходатайствъ киргизовъ о томъ, чтобы въ земельномъ отношеніи съ ними было поступлено по степному положенію, т. е. буквально «по всей строгости закона», то какой же иной путь для защиты своихъ нарушенныхъ и нарушаемыхъ правъ можетъ имъ рекомендовать «министерство законности и порядка?..»

Не тотъ ли путь, который избрали сами киргизы и который выражается въ слѣдующемъ заявленіи ихъ землеотводнымъ чиновникамъ по поводу «излишнихъ земель». «Если Государственная Дума скажетъ: отдай! то отдадимъ, не скажетъ—не отдадимъ?» *).

Этотъ путь безусловно самый правильный и надежный. Взявши въ свои руки власть и распорядокъ въ государствѣ,

---

*) Государственны Дума берь дисе биремыцъ, димосе берь меймызъ!»

нынѣ самъ угнетенный и безправный русскій народъ можетъ смѣло сказать киргизамъ, какъ и всѣмъ другимъ иноплеменникамъ въ Россіи: «Пока мнѣ было плохо, было плохо и вамъ; но теперь, когда я сталъ свободенъ, и вы всѣ будете свободны и всѣмъ вамъ будетъ хорошо!»

Мы знаемъ, что русскій народъ—не національстъ и потому твердо вѣримъ, что надежды киргизовъ на его справедливость и безпристрастіе въ дѣлѣ рѣшенія степного земельнаго вопроса не будутъ обмануты.

